

Олег САФОНОВ

ФАНТОМ

Рассказы

Новокузнецк
2023

Кемеровское региональное представительство
Общероссийской общественной организации
«Союз российских писателей»
Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Олег САФОНОВ

ФАНТОМ

Рассказы

Составитель – Калашников Н.Н.

Новокузнецк
«Ник без Сопрані»
2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С22

САФОНОВ Олег Александрович

С22 **Фантом** : рассказы / Олег Сафонов ; сост. – Калашников Н.Н. ; Кемеровское региональное представительство Общероссийской общественной организации «Союз российских писателей», Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк : Ник без Company, 2023. – 72 с.

12+

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Олег Сафонов работает в школе много лет и знает её очень хорошо. Поэтому так ярко и выпукло показаны проблемы и школы, и общества, в котором школа вынуждена существовать. Некоторая мистика в рассказах «Мяч» и «Фантом» позволяет лучше высветить эти проблемы. И вполне реалистический рассказ «Не мешайте кораблю плыть» – о тех же проблемах в школе, а значит, и в обществе.

САФОНОВ Олег Александрович родился 14 марта 1974 г. в Новокузнецке. Закончил НГПИ в 1997 г. (специальность – учитель географии и биологии). Закончил НФ КузГПУ в 2006 г. по специальности «Юриспруденция». Работает заместителем директора в гимназии № 44 Новокузнецка. В КЛФ «Контакт» пришёл в апреле 2022 года.

Первая публикация – рассказ «Цена победы» в сборнике «Песня» (М., 2019), изданном по итогам конкурса «Новые писатели-2019». Первая публикация фантастики – рассказ «Гладиатор» в сборнике «Заблудившееся время» (М., 2021), изданном по итогам конкурса фантастического рассказа «Метафорическая деформация-2021». В 2022 году издана его книга «Генетический брак: рассказы».

МЯЧ

В одном городе, конечно, не в столице, но всё-таки в довольно крупном городе с развитой системой образования, произошёл труднообъяснимый, можно даже сказать, загадочный случай.

Ну вот, ещё один выискался, – скорчит мину скептически настроенный читатель, ленивым взглядом пробежав по первым строчкам. Что в наш век всеобщей компьютеризации и цифровизации может быть загадочного? Скривится, зевнёт да и швырнёт эти записи одним нажатием пальца в корзину. Однако тот, кто подольше потоптался и пообтёрся на белом свете, повертелся, так сказать, в разных позах, в какие немилостиво ставила его судьба, не будет столь категоричен. Он, этот тёртый калач, знает: в мире гораздо больше непредсказуемого, чем кажется, и не сомневается, что в наше время тоже имеют место быть удивительные, непонятные истории. Причём в основе их зачастую лежат причины отнюдь не глобальные, а наоборот, самые что ни на есть ничтожные. Действительно, кто всерьёз рискнёт утверждать, что какая-нибудь досадная мелочь, глупейшее недоразумение не способны порой оказать решающее влияние на весь ход жизни человека, а то и взбаламутить, выбить из колеи весьма достойное, высококультурное общество?

Итак, в одном городе, в абсолютно средней школе, а именно в школе номер тринадцать, на ничем не примечательном уроке физкультуры дети затеяли игру. Играть решили на спортплощадке, потому как май, молодая травка, солнышко. Желания носиться сломя голову от ворот до ворот у юного поколения не возникло, соответственно, остановились на волейболе. Физрук Деев, мужчина крепкий и налитой, как спелое яблочко, дал возможность образовательному процессу течь свободно. Дети потихоньку перекидывали мяч через сетку, педагог тем временем с хорошей светлой улыбкой развалился на лавочке. Возможно, перед ним всплывали образы фигуристых дамочек, выполняющих в тренажёрном зале упражнения для улучшения формы ягодичных мышц, с одной из которых он даже договорился о променаде. Впрочем, к нашему делу это не имеет отношения.

В общем, кругом всё было спокойно, но вдруг... Оно обычно и выскакивает, это «вдруг», как только расслабишься и начнёшь

подозревать, что жизнь совсем не плохая штука, забыв о всевидящем оке и занесённой над головой карающей длани. Так вот, вдруг ни с того ни с сего Вова Кот, не совладав со своей молодецкой удачью, заорал дурнинушкой и с разбегу, по-вратарски, запустил мяч в небесную синеву. Приложился, так сказать, от души. И ладно бы обиделся из-за проигрыша или игра надоела (подобный всплеск эмоций нормален для неокрепшей детской психики), а то взял и выдал без видимых причин. Потом, когда всё завертелось и его спрашивали раз за разом: «Зачем ты, Вова, по ручному мячику ногой-то пнул?», – он неизменно отвечал, что тот сам напросился. Спровоцировал, потянул к себе своим лощёным боком и даже будто бы произнёс: «Вдарь мне, Кот, да посильнее». Дальше случилась вещь ещё более странная. Мяч вместо того, чтобы благополучно приземлиться где-нибудь на стадионе, неожиданно изменил траекторию полёта и упал на крышу школы, причём не просто упал, а буквально воткнулся в какое-то углубление на скате, в аккурат над кабинетом директора. Восторгу детей, да и самого Кота, не было предела. Однако совсем скоро бурная радость уступила место некоторой досаде. По всему было видно, что мяч засел крепко и возвращаться в игру не собирается.

Первым стал расстраиваться физрук. Он полгода просил у директора деньги на спортивный инвентарь и наконец вчера, получив добро, выбрал в магазине за полторы тысячи вполне себе приличный светло-перламутровый кожаный экземпляр от неизвестного производителя. Утром подкачал его, вынес на урок и строго предупредил: «Ногами не пинать!».

– Ты бы лучше башку свою туда закинул, футболист несчастный! Чем теперь нормальные дети в волейбол играть будут?

– А в самом деле, Кот, ты чего сбрендил? Что теперь делать будем? – поддержали физрука ребята.

– Да вы меня на крышу пустите, я его враз сниму. Тут дело-то плевое! – предложил Вова.

В его словах был свой резон. Стоило вылезти из ближайшего к мячу слухового окошка, аккуратно пройти от него немного вправо, потом немного вниз по совсем неопасному уклону, тем более для такого персонажа, как Кот, и проблема решена. Однако это только в фильмах про корсаров и флибустьеров несовершеннолетние юнги шныряют по ряб раскачивающихся на волнах кораблей и вытворяют прочую дикость. А в наше время позволить дитю выйти на крышу, чтобы скинуть залетевший туда мячик, может только человек, потерявший последний рассудок. Деев здравый смысл не терял, а потому Коту в его благородном порыве отказал и по окончании урока направился к заму по безопасной жизнедеятельности Уповору.

Упоров был на должности не первый год. Он немало наполучал щелчков и затрещин, не успевая вовремя реагировать на вечно меняющиеся инструкции и распоряжения сверху. В конце концов, на него снизошло озарение. «За что же страдаю? – возопил он. – Надо хотя бы разобраться. Имеющий глаза да увидит!» В итоге всем чертям назло он решил изучить законодательство по безопасности: пожарные правила, нормы по охране труда, антитеррору, а также разного рода СанПиНы¹, СНиПы², рекомендации для пунктов выдачи противогазов, ну и так далее. А дальше просто жить по закону, предвидя все нападения контролирующих органов, и, как говорится, в ус не дуть. Ухмылка судьбы состояла в том, что физрук обратился к заму по БЖ с просьбой выпустить его на крышу как раз в тот период, когда Упоров только начал осуществлять свой грандиозный замысел.

Меланхолично выслушав рассказ о мяче, заместитель директора сказал даже не без некоторого злорадства:

– По закону появляться на крыше образовательного учреждения могут только представители специализированных организаций, прошедшие специальное обучение, при наличии страховочного, скалолазного снаряжения.

– И что ты предлагаешь? Новый мяч на солнышке греться оставить, когда детям играть нечем?

– Предлагаю пойти к директору и найти способ решения вопроса в рамках правового поля. Потому как, если ты с крыши навернёшься, мне отвечать.

Через полчаса в кабинете Шарова собралось летучее совещание, на которое физрук также притащил за шиворот Кота. Нашкодившего ученика, конечно, распекли, но Вова сильно не волновался, потому что в принципе чувствительной натурой не являлся. По правде говоря, ему этот словесный дождь вообще был как с гуся вода, он только недоумевал, зачем столько шума, когда можно просто выпустить его на чердак и через пять минут все будет в ажуре.

Вторая часть совещания прошла сумбурно. Физрук орал, чтобы ему разрешили забрать мяч, ведь он нужен не забавы ради, а для выполнения раздела учебной программы «Спортивные игры». Зам по БЖ глядел исподлобья и выдвигал мощный контраргумент: «А вдруг пока Деев лазит по кровле, нарушая все мыслимые и немыслимые нормы, его снимут на телефон доброжелательные жители близлежащих домов и выставят куда надо?» Один напирал, другой стоял стеной и отбивался строчками из правовых актов. Нашла, значит, коса на камень.

¹ Санитарно-эпидемиологические правила и нормы.

² Строительные нормы и правила

Спросили вызванную на всякий случай завхозиху. Та, будучи дамой рассудительной, рассмотрела вопрос в перспективе. «Специализированные организации с альпинистским снаряжением, конечно, есть, – заметила она, перебирая ключи на связке, – но появляются они, только если школам выделяют бюджетные средства на ремонт кровель. По слухам, такое событие возможно года через три, однако тот, кто хоть мало-мальски ориентируется в вопросах финансирования образования, знает, что деньги дают в двух случаях: когда жареный петух в мягкое место клонет, ну, или кто-то там, высоко должен торги выиграть и большой заказ получить. Опять же, – продолжила она, – народ у нас, действительно, пошёл принципиальный – снимают и стучат на каждом шагу. То сосульки зафотографируют, то мусор возле бачка, когда его из-за долгов не вывозят. Тем не менее, срывать учебный процесс тоже нельзя, а потому не лучше ли пойти по самому простому пути – вызвать родителей этого провинившегося субъекта и взять у них полторы тысячи на покупку нового мяча?»

Директор, лысая голова которого соответствовала его фамилии, находился в раздумье. Шаров был руководителем того возраста, который незаслуженно обойдён поэтами, но воспет средствами массовой информации, – то есть возраста предпенсионного. Говорят, люди в это время находятся на пике интеллектуальной активности и вообще работоспособности. Вот и Шаров был в апогее своих сил, то есть походил на перегруженного верблюда, которому не хватает последней соломинки. И он боялся этой соломинки, потому что кому нужен предпенсионный верблюд со сломанной спиной? К моменту спонтанного собрания состояние его было нервнее обычного. Последнюю неделю Шарова беспокоил один неприятный факт. На недавнем чаепитии, которое устроила заврайоно в честь своих именин, ему не хватило ложечки. А ведь у нас на официальных мероприятиях просто так без ложечки не оставляют. Возможно, отсутствие столового прибора – первый признак начинающейся опалы. В самом деле, месяц тому назад он позволил себе лишнее, не зачислив в класс тридцать пятого ребенка. Не взял, сославшись на установленную законом норму в двадцать пять учеников. А ведь к нему обращались по особой просьбе. После ложечки он, конечно, уже пожалел и думал, что чёрт бы с ним, с тридцать пятым, но, как говорится, поезд ушёл. И вот теперь директор, вероятно, рассуждал следующим образом: «Если я в одном случае поступил по закону, то почему же должен нарушать его из-за какого-то там мяча?» Разумеется, путь, предложенный завхозихой, тоже имел подводные камни, но здесь можно было надеяться, во-первых, на то, что родитель испугается, во-вторых, что у него проснётся совесть. По сему, протерев платочком красную

лысину, он взял телефон и вызвал в школу маму Кота, которую, в отличие от папы, найти оказалось проще.

Валентина Ивановна Кот, женщина среднего возраста и средней же полноты, была типичной мамашкой типичного лоботряса и, соответственно, никакой совестью не страдала. А вот некоторую неуверенность в кабинете директора обнаружила. Проще говоря, немного струхнула. Поэтому, выслушав предложение Шарова возместить ущерб, она не пошла с места в разнос, а сослалась на отсутствие в кошельке на данный момент требуемой суммы, хотя и согласилась, что вопрос, безусловно, решать надо.

По пути домой взволнованная женщина встретила подружку Людмилу Зудину, с которой поделилась своим несчастьем. Следует отметить, что до этой встречи они с Зудиной уже три месяца не общались из-за взаимной обиды. Кошка между ними пробежала после того, как их общая приятельница, рассорившись с обеими, благополучно пересказала каждой мнение о ней другой стороны. Однако не зря говорится – друзья познаются в беде. Жажда справедливости тут же объединила их, вызвала бурный прилив самых тёплых чувств и даже довела до магазина, где Валентина Кот купила пива и закуски на полторы тысячи, чтобы продолжить общение у неё дома.

– Да какое он имеет право деньги с меня трясти? – ерепенилась, размахивая пивной кружкой, пострадавшая от директора. – Ну, подумаешь, пнул ребёнок мяч. Он для того и создан, чтобы его пинать.

– Все они только и норовят в наш карман залезть, крохоборы, – поддерживала подруга. – Бедными овечками прикидываются, дескать, средств им не выделяют. – Да у нас на каждом углу талдычат, что школы всем обеспечены, и никакой директор ничего с родителей дёргать не должен.

– А физрук на что? – продолжала возмущённая мать. – Его прямая обязанность следить за детьми, находить к ним педагогический подход. Я так понимаю: случай произошёл у него на уроке, вот пусть с него и высчитывают. А то нашли дурочку.

– Ты о чём говоришь? Какой подход? Плевать они хотели на наших детей. Моей Леночке русичка тройку по литературе за год выставила. Ничего не читает, говорит, она у вас. А кто должен замотивировать, увлечь ребёнка?

– Хорошо устроились. И зарплата, и отпуск на все лето. Ещё и полтора рубля им подавай за здорово живёшь...

Не будем здесь приводить весь разговор давних подруг, нашедших общего врага, обозначим лишь его итог, о котором проницательный читатель, конечно, уже и сам догадался. Устав переливать из пустого в порожнее и почувствовав жгучее желание перейти к реальным действиям,

Кот с Зудиной решили писать жалобу. Правда, сначала перед ними возникло небольшое препятствие, а именно: ни та, ни другая не владела эпистолярным жанром. Однако разве когда-нибудь неумение двух слов связать останавливало личность, отстаивающую свою правоту? Во все времена находились разного рода бумагомайки и приказные чернилницы, готовые состряпать для оскорбленного человека любую кляузу, а нынче дело и вовсе упростилось до невозможности. Набираешь в интернете что-нибудь вроде «жалоба на директора школы» – и выбирай варианты. Собственно, только и остаётся, что вписать фамилию руководителя, номер школы да подредактировать содержательную часть. Видимо, и в нашем случае не обошлось без использования вышеуказанного сервиса. Так или иначе, после тридцати минут упорного труда двух представительниц прекрасного пола на свет появилось следующее творение.

«Прошу защитить мои права как родителя и законного представителя несовершеннолетнего ребёнка от ничем не обоснованных злостных посягательств со стороны директора школы номер тринадцать Шарова Е.С. Шаров Е.С., посягая на мою честь и достоинство, требует с меня деньги по причине мяча, случайно залетевшего на крышу. Мой ребёнок, находясь на уроке учителя физкультуры Деева С.В., совершенно непреднамеренно ударил по нестандартному мячу ногой во время игры в волейбол, при этом даже слегка зашиб себе палец. Следует отметить, что Деев С.В. недобросовестно относится к исполнению своих должностных обязанностей. Он не объяснил детям правила безопасности при игре с мячом, не показал основные ошибки, которые можно допустить во время этой игры и даже не довёл до их сведения, что в волейбол играют, прежде всего, руками. Далее вместо того, чтобы оказать моему ребёнку квалифицированную медицинскую помощь, его подвергли грубому психологическому давлению. С ним разговаривали на повышенных тонах и всячески намекали ему на то, что он должен снять мяч с крыши, но в тоже время постоянно озвучивали, что на крышу не пустят, а потому предлагали договориться с родителями о замене якобы утраченного мяча деньгами в сумме одна тысяча пятьсот рублей. Прошу разобраться также, в каком состоянии находится кровля образовательного учреждения, если в ней даже мячи застревают. Ни для кого не секрет, что на третьем этаже школы во многих местах с потолка сыплется отмокшая после протечек штукатурка, хотя взносы на ремонт с родителей собирают регулярно. На самом деле никто ничего не ремонтирует, просто понамажут пожароопасной краской и всё. Куда уходят средства, неизвестно. Также сообщаю, что в школе отвратительное санитарное состояние. Я сама лично, проходя мимо столовой к кабинету директора, видела таракана. Но, похоже, руководителю

нет дела до того, что вверенное ему учреждение кишит насекомыми-переносчиками заразы, ему вообще совершенно безразличны жизнь и здоровье детей. Шаров Е.С. даже не может поставить на входе в школу нормальную охрану, ограничившись бабушкой в камуфляже. Оно и понятно, его интересуют только поборы. В связи со сказанным требую защитить меня и моего ребёнка от административного беспредела. В противном случае оставляю за собой право обращаться во все вышестоящие инстанции. Подпись В. И. Кот».

– Ловко получилось, – порадовалась Зудина, перечитав бумагу.

– Только про таракана, наверное, лишнее. Ведь не видела я его, – всё ещё сомневалась Кот.

– Да какая разница! Видела, не видела. Кто докажет? Поверь мне, этот таракан очень даже к месту. Директор ещё из-за него повернется, как вошь на гребешке.

– А и действительно, пусть почувствует, почему фунт лиха, меньше будет рот разевать на слабую женщину.

– Эх, Валя, зря ты третьего не родила. Была бы многодетная мать. Ей вообще можно любые двери пинком открывать. Тогда бы уж он вовек не оправдался.

С отправкой письма проблем не возникло. Это в дремучем двадцатом веке подача жалобы сопровождалась покупкой конверта, походом на почту и прочими неудобствами. Сегодня в данном вопросе также произошёл решительный поворот к людям. Каждое ведомство теперь имеет свой сайт, куда могут излить душу все «униженные и оскорблённые». Послав куда следует созданный в соавторстве шедевр, подруги с чувством глубокого удовлетворения продолжили беседу. Правда, беседа их в какой-то момент перешла с банального хвастовства на выяснение отношений по поводу прошлых обид и приобрела совсем недружественный характер. При этом слабый пол перешёл на такие сильные выражения, которые могли бы смутить даже завсегдатаев питейных заведений. Кончилось тем, что дамы разбежались буквально в шаг от того, чтобы вцепиться друг другу в волосы, и поклялись враждовать до гроба.

Теперь оставим наших героинь, которые сделали своё дело, породив в порыве вдохновения столь великолепное, и главное – жизнеспособное детище. Тем более что через день они уже и забыли о нём, окунувшись в гущу других, не менее серьёзных забот. Настало время сказать несколько слов о стороне, которой мы ещё не касались в нашей истории, а именно, о стороне контролирующей.

Думаю, каждый согласится, что само слово «контроль» вызывает в нас отнюдь не лучшие чувства. Мало кто, услышав его, вспомнит какую-нибудь идиллическую картинку, например, первую учительницу,

которая поправляет нетвёрдую руку малыша, высунувшего от напряжения язык, или внимательного седого наставника на производстве, помогающего молодому рабочему разобраться с непослушным станком. Скорее, контроль для нормального члена общества есть некая злая прелюдия перед неизбежным наказанием, и проверяющий, таким образом, представляется ему лицом значительным, обладающим властью определять меру этого наказания от простого тыканья носом до весьма чувствительной порки у позорного столба и денежного штрафа. Данный подход делает фигуру контролёра в наших глазах глубоко уважаемой и достойной благоговения. Тем не менее, и его работу нельзя считать совсем уж лёгкой и беззаботной. Для служащего надзорного ведомства тоже существуют свои постулаты, строгое следование которым позволяет ему избежать многих неприятностей.

В первую очередь, и это главное, надо знать, кого проверяешь. Следует не полениться и поинтересоваться связями попавшей на проверку личности, чтобы заранее определиться с уровнем принципиальности. Здесь, я думаю, и пояснять ничего не надо, поскольку, все мы лишь только вылезем из пелёнок, начинаем различать: кто должен титьку дать, а кто может и по попе шлёпнуть, и в зависимости от этого строим линию своего поведения.

Во-вторых, надо раз и навсегда отказаться от иллюзий, что существуют организации без нарушений, и не выносить мягкотелых вердиктов, что, мол, у проверяемого всё хорошо. Во всяком случае, если контрольные мероприятия ведутся по жалобе. А уж тем более, когда вопрос касается детей. Жалобщик, он ведь может и до самого верха достучаться. Ему у нас везде зелёный свет. Вот тогда-то придёт вышестоящая инстанция и обязательно чего-нибудь найдёт. И обвинит предыдущего инспектора в отсутствии рвения, некомпетентности, а то, чего доброго, в несоответствии занимаемой должности. Оно и справедливо. Нельзя есть свой хлеб даром!

Имеются, конечно, и другие правила, например, что инспектировать комиссией лучше, чем в одиночку, там уж ответственного за решение точно не найдёшь, однако дабы не утомлять читателя, ограничимся перечисленными.

«Постойте, а как же честь мундира, – возразят некоторые. – Разве не дело тех же органов управления образованием защищать свои учреждения? Предоставлять в помощь директорам квалифицированных юристов, экономистов и прочих специалистов?» На это возразим, что мундиры в современной школе не носят, а потому и слово «честь» применительно к педагогическим работникам уже давно не употребляется. Но нельзя сказать, что руководящие структуры совсем отсиживаются. Наоборот, случись какой запал, они чаще всего первые и обнаружат все

нарушения нерадивого директора и быстренько вынесут ему взыскание, так что другим органам, по большому счёту, и проверять-то будет нечего.

Шаров серьёзными знакомствами не обладал, покровительством вышестоящих похвастаться не мог, а был трудягой, который всю жизнь пахал, избегал интриг и даже сам не понял, как его занесло в директора. Иными словами, являлся оптимальным объектом контроля. Поэтому получившие жалобу ведомства взялись за дело усердно, без проволочек, что называется, засучив рукава.

Ночь после досадного эпизода с мячом прошла для Шарова относительно спокойно. Признаться, и сам случай совсем вылетел у него из головы. Мало ли у руководителя других забот кроме залетевших на крышу предметов. Правда, всё утро его сопровождало непонятное мрачное предчувствие, однако вызвать его мог какой угодно факт. Ну, например, нежелание химички работать после шестидесяти семи. И ежедневное капанье на нервы: ищите, мол, специалиста, не сегодня-завтра напишу заявление. А где его найдёшь, хорошего химика, да и нехорошего тоже. Или тот же приказ районо номер четыреста двадцать пять, в котором предписывается срочно вывезти с территорий образовательных учреждений весь собранный на субботнике мусор. А на чём его вывозить, когда ни машины, ни талонов на утилизацию школе не дают? В общем, Шаров находился том самом расположении духа, когда от человека можно ожидать какого угодно необдуманного поступка.

Вот на такую-то подготовленную почву и попал звонок из отдела образования. Заврайоно Локтева, женщина, высохшая на своём посту, в нелицеприятных выражениях напомнила Шарову, что его в своё время чрезвычайно облагодетельствовали, назначив на должность, а потому ожидают от него в качестве благодарности, чтобы все конфликты с учениками, их родителями да и просто с окрестными жителями решались в пределах учреждения, не доставляя хлопот начальству. И в первую очередь не должно быть заявлений, что директор чего-то там требует в плане денежных взносов. В том числе и спортивный инвентарь необходимо приобретать без малейшего давления на родителей и уж тем более без ходатайств о выделении бюджетных средств. Также и здание школы по идее должно ремонтироваться само собой. Ну и, наконец, запрашиваемую информацию надо предоставлять вовремя. Поэтому от Шарова требуется как можно быстрее написать подробную объяснительную по жалобе, затем пообщаться с Валентиной Ивановной Кот и решить все вопросы миром, а главное, снять с крыши мяч, ликвидировав таким образом источник конфликта. В перспективе же починить и саму крышу.

Дальше следовало бы ожидать, что наша история начнёт развиваться наподобие скучной шахматной партии, где один игрок, будучи значительно

сильнее, легко рубит пешку за пешкой и в скором времени ставит своему незадачливому сопернику мат. Однако в дело вмешался очередной непонятный факт, а именно: Шаров неожиданно взбрыкнул. Как потом, вздыхая, вспоминала секретарша, поговорив с Локтевой, шеф впал в странную неподвижную задумчивость, чего раньше с ним не случалось. Взгляд его стал невидящим, как у лунатика, а выражение лица отстранённым от мира сего. Вдруг он вскочил, схватил лист бумаги и в сильном волнении написал на нём послание. После того с кривой улыбкой попросил его напечатать, дать ему на подпись и послать в районо.

Представляем читателю содержание данного письма.

«Я, Шаров Егор Семёнович, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, по поводу жалобы Кот Валентины Ивановны могу пояснить следующее.

Оправдываться не желаю, потому как к денежным взносам данную гражданку не принуждал, а лишь просил её добровольно пожертвовать школе новый мяч, причём хотел оформить передачу товарно-материальной ценности в установленном законом порядке. Если принимать подобные жертвования запрещено, прошу пояснить, каким именно актом или распоряжением установлен соответствующий запрет.

Учитель физкультуры Деев С.В. действительно не объяснял детям, что в волейбол играют руками. Но он также не объяснял им, что в футбол играют ногами, в хоккей – клюшкой, на лыжах катаются по снегу, на коньках – по льду, а плавают в воде.

Ученик Владимир Кот не травмировал себе конечности, так как зашибленной ногой по дверям в туалете не пинают.

Крыша у меня давно течёт, однако, если мяч я могу купить на свои личные деньги, то на ремонт кровли директорской зарплаты всё равно не хватит. Даже если мне её выплатят за десять лет вперёд.

Пожарные сертификаты на краску, конечно, имеются, и даются они на основе лабораторных исследований, против которых даже умозаключение человека, написавшего жалобу, будет не очень эффективно.

Бабушку на школьный вход выделила охранный организация, выигравшая торги по всей области, поэтому какие тут ещё могут быть вопросы. А то, что она в камуфляже, наоборот, хорошо. В самом деле, разве плохо, что бабушка находится в форме?

Тараканы. Тараканы, конечно, бегают и разносят заразу, но не у меня в учреждении.

Снять мяч с крыши не имею права, потому что по закону выходить на крышу школы могут только работники специализированных организаций, прошедшие специальное обучение, с использованием страховочного снаряжения».

Ну, скажите, разве мог нормальный директор, переживающий из-за отсутствия ложечки, которому осталось несколько лет до пенсии, написать такое? А ведь не только написал, но и подтвердил всё написанное при непосредственной встрече с начальством. Уж каких только административных методов там к нему не применяли: испепеляли взглядом, стирали в порошок, орали, возвышаясь сверху, страшали увольнением и разного рода ответственностью, вплоть до уголовной, под конец даже пробовали разговаривать по-человечески – ничего не помогало. Шаров забаррикадировался правовыми нормами, упёрся на своём и, вперив взгляд в пол, заявлял, что ничего противозаконного не делал, делать не собирается, поэтому всё обойдётся. Вот какое серьёзное воздействие оказал на него мяч! В конце концов, устав от бесплодности своих атак, руководство образованием отпустило строптивого директора с напутствием, что хорошо бы действительно всё обошлось, а иначе ему несдобровать. Хотя на самом деле решило потихоньку подыскивать ему замену.

Следующая ночь для Шарова была полна нездоровья, о чём свидетельствовали тёмные круги под глазами и блестящий воспалённый взгляд. О нехороших предчувствиях директора даже говорить не стоит, потому что какие уж тут предчувствия, когда есть ясное понимание, что дело так не оставят, пока все по тебе не пройдутся. И действительно, часов в десять утра в кабинет к Шарову забежала испуганная завхозиха сообщить, что по задворкам школьной территории разгуливает человек в зелёном кителе и что-то там фотографирует.

Ну, вот тут уже соврал, – скажет житель столичного региона. Школы у нас окружены такими заборами, что и мышь не проскочит, не то что незнакомый человек. На это возражу: нельзя судить о всей стране по меркам Садового кольца. Вот и в тринадцатой школе, у Шарова, ограда тоже была, но поставили её ещё в эпоху развитого социализма, когда общество двигалось к светлому беззаборному будущему, поэтому перешагнуть через неё любому постороннему субъекту во все исторические эпохи не составляло труда. К тому же и эти социалистические звенья несознательные граждане микрорайона время от времени выламывали по ночам на металлолом. Приходилось заделывать дыры арматурой, чтобы отчитаться в отсутствии свободного доступа на территорию образовательного учреждения, которая на самом деле представляла собой проходной двор и полигон для выгула собак.

Когда Шаров с завхозихой и Упоровым выскочили на улицу, пожарный инспектор уже отснял доказательную базу и даже рад был пообщаться с виновными в совершении административного правонарушения. Тем более что факт, как говорится, был представлен во всей своей красе. Стройные ряды мешков мусора, собранного на субботнике, ждали

своей обещанной через две недели машины. Да ладно бы только пожароопасный материал в мешках. К нему ещё относятся снисходительно. Возможно, в полиэтилене он меньше подвержен воспламенению. А то ведь по причине нехватки мешков дети ещё сложили две кучки просто так, без всякой защитной оболочки.

– Вот из-за подобного разгильдяйства и горит страна, – мрачно проговорил инспектор в рыжие усы.

– Так ведь подготовили к вывозу. У администрации одна машина на весь город, а в багажник моей легковушки триста мешков точно не влезут, – возражал директор.

– Тем не менее, за противопожарное состояние своей территории отвечает само юридическое лицо. У каждого учреждения возникают проблемы, но я так понимаю, что руководителя для того и ставят на должность, чтобы он успешно решал их, а не ссылаясь на трудности.

Возникла пауза, заполняемая пыхтением зама по безопасности, который неизвестно откуда взявшейся лопатой разбрасывал кучи упомянутого выше неупакованного мусора.

– В таком случае, – сверкнул глазами Шаров, – мы сейчас всё, что собрали, обратно по территории раскидаем.

– Это уже ваше дело, – спокойно ответил инспектор, – лишь одно скажу: на момент проверки факт имел место, поэтому штраф всё равно получите, причём в двойном размере, так как в регионе объявлен особый противопожарный режим.

Кроме вопиющей захламлённости территории представитель пожарного надзора нашёл и другие свидетельства разгильдяйства. В рекреации второго этажа один из огнетушителей был без стопорного кольца. «Видимо, дети баловались», – пожимал плечами Упоров, но от его пожиманий легче никому не стало. Также ограждение крыши требовало покраски. И наконец, самое болезненное: в лаборантской у химички государственный служащий обнаружил... Что бы вы думали? Конечно! Включённый в розетку чайник! Разумеется, имелось и более серьёзное нарушение: эвакуационный выход не соответствовал новой редакции пожарных правил и требовал перестройки, однако чайник всё же был неприятнее. Шаров понимал, что именно этим электроприбором его и будут прилюдно мордовать на совещании директоров. Собственно на том и закончилась проверка, которая неожиданно дала ещё печальный побочный эффект. А именно: пристыженная пожарным химичка наконец написала заявление об увольнении и сказала, что ноги её больше в этом дурдоме не будет.

Не успел инспектор спуститься с крыльца, как позвонила Локтева, требуя отчёта о результатах его визита. Выслушав рассказ Шарова, она резюмировала со злобой:

– Доигрались, Егор Семенович. Говорила я вам, что надо просить родительницу отозвать её кляузу.

На что Шаров резонно заметил, что жалоба сама по себе, а результаты проверки сами по себе и, по его мнению, одно к другому отношения не имеет.

– Надо же, какое глубокомысленное мнение! – съязвила чиновница.
– Пора бы уж понимать, что в нашей системе всё взаимосвязано.

А в это время завхозиха, приняв от страха слова директора за чистую монету, взяла с урока физкультуры ребят и раскидала весь мусор ровным слоем по территории, вернув ей тот облик, который она имела до субботника.

На утро следующего дня Шаров имел вид человека, которому всю ночь снились кошмары. Остатки волос, обрамлявшие лысину, взбились ключьями, в лице присутствовала нездоровая одутловатость. Он прибыл на работу довольно рано, при этом, как рассказывал дворник, не зашёл сразу в школу, а долго стоял на футбольном поле, смотрел на мяч и бормотал себе под нос непонятные мантры. Потом, погрозив кулаком кому-то невидимому на крыше, расхохотался и крикнул: «Смейся, паяц!», после чего быстрым шагом направился в сторону крыльца. Дворник, будучи человеком суеверным, решил, что директор увидел наверху один из тех фантомов, которые часто и ему самому являлись в состоянии недопережития. Поэтому он с опаской осмотрел крышу, но ничего необычного поначалу на ней не заметил. И вот тут, дорогой читатель, напрямую проявилась зловещая натура засевшего на крыше трансцендентного предмета, о которой Шаров, видимо, раньше всех догадался. По словам дворника, в какой-то момент швы на освещённом утренними лучами мяче растеклись, затем снова проявились и собрались в оскалившуюся злобной ухмылкой демоническую физиономию. Дворник в испуге стал озираться по сторонам, надеясь зацепиться взглядом за обычного живого человека, но вместо этого увидел за спиной двух женщин, выражение лица которых, как ему в первую секунду пригрезилось, было под стать мячу. Хотя через мгновение он понял, что улыбки их были вовсе не потусторонние, а просто недобрые, однако он всё равно ни на минуту не усомнился, что именно мяч притянул этих дам к школе. Косвенным подтверждением его мысли является такой нюанс: чаще всего проверяющие десантируются на объект не раньше десяти часов утра, данная же комиссия появилась в тринадцатой школе около восьми. К тому же, как только они взошли на крыльцо, неизвестно откуда взялся сильный ветер, и небо заволокло низкими тучами.

Одна из женщин, похожая на курицу-мать, изготовившуюся клонуть нелюбимого цыплёнка, была некая Птицына, специалист

санитарного надзора. Весь её вид свидетельствовал о том, что она, посвятив лучшие годы жизни контролю, теперь, на старости лет, искренне ненавидит и свою работу, и всех проверяемых. Тем более, что никогда ей не доводилось испытывать и сотой доли того уважения, которое в избытке доставалось её спутнице Голицыной – совсем ещё молодой девице с лисьим взглядом. Девица была даже симпатична, но разве внешние данные девушки могли бы вызвать то особое чувство боязливого благоговения, какое возбуждал отлично сидящий на ней синий мундир?

Почему они пришли вдвоём? Да потому что, как известно, совместная работа взаимодополняемых специалистов даёт наилучший результат. Если, допустим, работник прокуратуры чего-то недоглядит, то сотрудник санитарного ведомства подскажет. Или наоборот, может, представитель Роспотребнадзора на что-то захочет закрыть глаза, тогда надзорный орган его поправит. И хотя по приходе в школу Птицына с Голицыной вначале разбежались по разным направлениям, но всё равно чувствовали, что достигли такого единения в своём созидательном порыве, какое и имел в виду поэт, говоря: «Я буду солнце лить своё, а ты – своё, стихами»³. Правда, в данном случае не совсем стихами, а скорее предписаниями, представлениями, требованиями, протоколами, но сути дела это не меняет.

Разумеется, женщина в мундире перво-наперво озаботилась защитой личности несовершеннолетнего. Несмотря на свой высокий статус, она отнеслась к Воле совсем по-матерински и долго беседовала с ним в присутствии директора. При этом много раз спрашивала удивлённого подростка под разными углами: не случилось ли с ним в стенах школы каких-нибудь пустячных недоразумений, ну, например, не хватала ли его за руку или за воротник, не грубили ли ему, а может быть, говорили с ним громко или смотрели косо. Однако Вова, будучи простым как три копейки, отвечал, что ничего подобного не было и вообще Егор Степанович с физруком – нормальные мужики, поэтому пусть работают. Правда, когда Шаров ненадолго выскочил из кабинета, заботливая женщина сделала ещё одну попытку, предложив, пока никто не слышит и некого опасаться, рассказать всё без утайки. Но Вова высказался в том духе, что у него от дирика секретов нет и рассказывать ему больше нечего.

У внимательного читателя может возникнуть резонный вопрос: «А куда, собственно, выскочил директор, когда его прямая обязанность – присутствовать при такой “просто беседе” компетентных органов с

³ В. В. Маяковский «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче»

ребёнком?» В данном месте необходимо дать небольшое пояснение. Дело в том, что излагаемая здесь история развивалась не в пустом пространстве. Школа-то ведь работала! И выполняла свою идущую из глубины веков функцию – учила детей. А значит, её руководитель был в обычном нескончаемом водовороте событий. Это ведь для сотрудника надзорного органа контрольное мероприятие является оплачиваемой трудовой деятельностью, а для директора, у которого вся жизнь в цейтноте, любая проверка есть всего лишь приносящее глубокое удовлетворение хобби. Вот и в день визита прекрасных дам Птицыной с Голицыной на почте школы скопилось шестьсот новых писем, и ещё по ватсапу (да-да, не удивляйтесь, у нас теперь в основном по нему и руководят), так вот, по этому самому ватсапу пришло ещё шестьдесят шесть сообщений, требующих ответа. Среди них выделялось одно с пометкой «срочно» и тремя восклицательными знаками. В нём от школ требовалось сдать в течение часа некий статистический отчёт, на тридцать страниц, а для этого проанализировать при помощи особых формул динамику запрашиваемых показателей за последние пять лет. Однако Шаров выскочил по более простой причине: в подвале лопнула труба, при этом завхозиха была занята сопровождением Роспотребнадзора, а Упоров за своими законами совсем забыл, какой в случае аварии нужно поворачивать вентиль.

Когда директор, перекрыв воду, вернулся в кабинет, он застал там весьма смущённого представителя власти и Кота с задранной на босой ноге штаниной. Дело в том, что минуту назад на вопрос, не болит ли у него палец после физкультуры, Вова предпочел ответить действием, то есть разулся и продемонстрировал свою пышущую здоровьем, неделю не мытую стопу. Но это были ещё цветочки по сравнению с тем фортелем, который выкинул окутанный заботой ребёнок чуть позже. Вконец устав от бесплодного, по его мнению, разговора, он вдруг неожиданно выпалил:

– Товарищ прокурор, я желаю заявить ходатайство!

И не дав никому опомниться, продолжил:

– Прикажете директору выпустить меня на крышу. Я вам этот мяч, из-за которого весь сыр-бор, в пять минут сниму!

«Ну что поделаешь с таким непонятливым учеником. Так и всю проверку можно в фарс превратить», – негодовала внутри Голицына. К тому же Деев принёс книгу инструктажей по технике безопасности на уроках физкультуры, где имелись подписи всех детей. В том числе и напротив фамилии Кот красовались его разлапистые каракули. Сам мяч также не мог вызвать сомнений в безопасности для детей. Судя по чеку, он покупался не в какой-нибудь там лавочке, а в крупнейшей торговой сети, поэтому здесь вопрос тоже закрывался. Оставалась

только бабка в форме и поборы. Однако и с бабкой было непросто. Она сразу предоставила столько лицензий, сертификатов и удостоверений, что иной спецназовец мог бы позавидовать. Вдобавок женщина в мундире точно знала, что начальник ЧОПа⁴, в котором за гроши работают такие квалифицированные охранницы, близкий друг городского прокурора. Использовать бабку как источник дополнительной информации тоже не представлялось возможным, потому что слышала она плохо, а понимала услышанное ещё хуже. И всё же одно нарушение написать было можно.

– А почему у вас сотрудник охраны сидит на входе? – спросила Голицына директора как можно строже.

– Так где же ему ещё быть? – искренне удивился Шаров.

– На специально оборудованном посту, внутри которого он способен выдерживать натиск вооружённых бандитов до приезда специальных подразделений. И вы как директор обязаны это знать!

Шаров молчал. Надо так надо. Можно бабку и в пластиковую будку посадить, чтобы повысить безопасность школы. Тем более что ей всё равно, где сидеть.

Что же происходило в данное время на другой линии фронта? Здесь не было даже пассивного сопротивления, и потому всюду протекала эзекуция. Санитарная инспекторша, прогуливаясь с сумочкой по зданию, до того заклевала бедную завхозиху, что та пошла красными пятнами. Проверяющая проводила белой тряпочкой по подоконникам и, подняв её над головой на всеобщее обозрение, кричала:

– А дома у вас такая же чистота? Или только на работе можно грязь разводить?

Также, увидев перегоревшую лампу в светильнике, шипела:

– Ну, разумеется, лампочку-то заменить нам некогда. Мы же заняты!

Или:

– В этой школе генеральная уборка вообще когда-нибудь проводилась? Похоже, вам уже век не отмыться.

Зайдя в спортзал, она долго озиралась по сторонам и в итоге спросила:

– С какой частотой здесь моются стены?

– Так кому же их мыть? – робко возразила проверяемая. – Высота спортзала семь метров. Внизу, конечно, протираем.

– По закону влажная уборка во всех помещениях образовательного учреждения должна проводиться регулярно. Значит, директор должен требовать, чтобы ему предоставляли техник, имеющих допуск к работе на высоте.

⁴ ЧОП – частное охранное предприятие.

Как ни странно, завхозиха после этих слов даже немного успокоилась. В самом деле, разве можно всерьёз испытывать чувство вины, когда слышишь такое? Тем более что на деньги, выделенные муниципалитетом, с трудом нашлись три пенсионерки, которые собственно и драили всю школу.

Были и другие похожие выпады, однако читатель, думаю, и сам легко может себе представить, на какое интеллигентное поведение способны некоторые получившие власть тётки. Отметим только, что больше всего Птицыну тянуло в туалеты. Видимо, она считала, что если театр начинается с вешалки, то школа, непременно, со смывного бачка. И если глаза почему-то называют зеркалом души, то водяное зеркало в отхожем месте представляет собой чуть ли не лицо образовательного учреждения. В общем, пройдя методично где только можно пройти, ткнув сопровождающую, куда только можно ткнуть, инспектор Роспотребнадзора приблизилась к главной цели своего похода, то есть к столовой. Здесь она повела себя странно. Сделала несколько несущественных замечаний работникам пищеблока и заняла позицию за столом в коридорчике возле продуктового склада. При этом потребовала принести себе на проверку кучу всяких документов, но толком их не смотрела, а просто сидела и выжидала чего-то, бросая временами косой взгляд на не отходящих от неё ни на шаг завхозихи с шеф-поваром. Наконец, убив около часа времени, она со вздохом поднялась и направилась в кабинет директора, так как Голицына ей напомнила по телефону, что впереди сегодня ещё два мероприятия.

Разумеется, настроение у комиссии под конец проверки было под стать погоде за окном. Огромные, казавшиеся страшными тучи с самого утра силились разразиться сокрушительным ливнем, но какой-то искры, какого-то последнего потрясения им не хватало. Даже временами в разрывах пробивалось солнце, заставляя некоторых легкомысленных прохожих надеяться: «Может, рассосется?» Действительно, разве могла Голицына обвинить директора в поборах, когда у него все договора пожертвования в порядке. Правда, возникал резонный вопрос, почему все жертвуют одинаковую сумму, однако такая история имела место быть во всех без исключения образовательных учреждениях. К тому же, как заявлял Шаров, родитель ведь мог никакой материальной помощи и не оказывать. Вот, например, та же Валентина Ивановна Кот подобными вещами никогда не занималась. Птицына, хоть и говорила, что такой грязи, как в тринадцатой, она за всю жизнь не видела, однако же это были только ничем не подтверждённые слова, а школа на самом деле ничем не отличалась от тысяч других таких же школ. Определённо выходила совсем неправдоподобная глупость – ни один изложенный в жалобе факт не подтвердился. Значит, придётся

давать именно такой ответ, и обиженная мамашка непременно напишет в вышестоящую инстанцию.

Что касается Шарова, то он, как опытный директор, по всей видимости, ещё до описываемого визита просчитал свой незатейливый конец. После бумаг, которые накатают на него эти милые женщины, к нему направят финансовых ревизоров, а те кавалерийскими наскоками не занимаются. Засядут на месяц и непременно найдут недостачу какого-нибудь гвоздя. Это и будет его последний гвоздь, потому что до конца ревизии ему дожить нереально. Он также понимал, что сам изначально пошёл по этому пути, влекомый неведомой силой. Полетел, так сказать, мотыльком в огонь.

Однако и Шаров, конечно, почувствовал, что происходит нечто необычное, и судьба начинает поворачиваться к нему лицом. Отдавая должное директору, следует заметить, что в голове у старого трудяги, выросшего в нашей системе образования, в данный момент вполне могли появиться совсем необычные, даже можно сказать, крамольные мысли. «Вот я, – должен был рассуждать он, – всего-то и сделал, что не побоялся поступить по закону, не спасовал перед неправдой, отбросил так сказать малодушные сомнения и оказался прав перед лицом вышестоящих. Значит, на самом деле в правде – сила! И если все, ну хотя бы большинство, станут поступать как того требуют закон и совесть, то очень скоро наша жизнь станет совсем другой, понятной и счастливой». Может быть, многоуважаемый читатель скажет, что я фантазирую и приписываю директору свои собственные рассуждения. Спешу объяснить. Дело в том, что Шаров, будучи человеком прошлого века, имел архаичную привычку фиксировать на бумаге достойные внимания мысли. Так вот, эту книжечку, исчерпанную нервной рукой, обнаружили впоследствии у него на рабочем столе, и соответственно его внутренний настрой в последние дни перед загадочным происшествием стал известен некоторым людям. То есть Шаров, можно сказать, на самом деле был в одном шаге от того, чтобы подняться на новый, несравненно более высокий уровень духовного бытия. И он, несомненно, осилил бы этот шаг, однако в дело опять вмешалась метафизика.

В тот самый натянутый момент, когда комиссии оставалось только попрощаться, над кабинетом неожиданно что-то зашумело, заколотило, как будто с неба на крышу падал град величиной с куриное яйцо. Директор с Голицыной невольно устремились к окну, однако никакого дождя, а тем более града, не было, и вообще, в мгновение ока все стихло. Вдруг в наступившей тишине они услышали за спиной непонятный щелчок, а затем полный радости крик Птицыной:

– Таракан!

Действительно, прямо по директорскому столу полз жирный усатый разносчик заразы. Откуда он взялся? Ведь в тринадцатой школе их отродясь не бывало. Несомненно, всё объясняется влиянием подлого мяча. Не мог же сотрудник санитарного надзора его с собой из дома в сумочке принести.

Проверяющие, отбросив всякую сдержанность, радовались рыжему усачу, словно выиграла миллион на тараканьих бегах. Осыпали его вспышками фотоаппаратов, приговаривая: «Ну вот, правда – она всегда вылезет! Да о чём тут вообще можно говорить, когда по столу у руководителя школы тараканы бегают!» Они бы, наверное, и сами сфотографировались с вызвавшим такой восторг насекомым, но внезапно директор задыхался, схватился за воротник и стал сползать в кресло. Раздался гром. Хлынул так долго собиравшийся ливень.

Инфаркта, однако, у Шарова не оказалось, а давлением, грозящим разорвать манжету тонометра, у нас в образовании никого не удивишь. Директор сам понимал, что нехорошо отлёживаться, прикрываясь гипертоническим кризом, когда через две недели окончание учебного года. А потому, получив в больнице утреннюю порцию уколов, он ещё до обеда появился на рабочем месте. Проверок в этот день не было. Хотя предыдущим вечером звонил, чтобы согласовать время своего прихода, ветеринарный контроль, но узнав, что директора увезли на скорой, решил повременить с визитом. И телефон Шарова молчал, как рыба, потому что у нас не любят тревожить человека в реанимации. Только во второй половине дня ему позвонил старый друг, директор другой школы, чтобы справиться о здоровье. После недолгого разговора он, прощаясь, сказал: «Да не бери ты в голову, Егор. Скинь свой дурацкий мяч, а в отч ёте напиши, что ветром сдуло. Всего и делов-то. У нас вон всю зиму сосульки сами тают даже в тридцатиградусный мороз. Вообще, мне кажется, самое страшное в твоей истории позади. Сейчас, после неотложки, тебя никто не тронет, а там, глядишь, и забудут».

Казалось бы, действительно, живи да радуйся, однако радоваться-то Шаров как раз не мог и даже наоборот впал в совершенную меланхолию. Он ничего не делал, только в раздумье ходил по кабинету, напевая давнишнюю, непонятную песенку: «В бананово-лимонном Сингапуре...» Временами останавливался возле раскрытого окна и долго смотрел вниз на увеличивающиеся от непрерывного дождя лужи. На вопросы заходивших к нему сотрудников отвечал неопределённо, что-то вроде: «Да-да, конечно, я решу... потом, а сейчас мне некогда». Даже сообщение о том, что Кот швыряет камни на школьном дворе, оставило его равнодушным. Он только философски заметил: «Время разбрасывать камни, время собирать...» Впрочем, секретарша быстро стала заворачивать всех визитёров со словами: «Разве у вас горит?»

Приходите завтра. Неужели так трудно понять, что человек не в себе?» Таким образом, его совершенно оставили в покое. То есть оказали ему медвежью услугу. У нас ведь как? Живёт себе человек в своём привычном мире, бегаёт по своим незатейливым маршрутам, ни о чём таком не думает. Увидит, что цены в магазине выросли, вздохнёт, выругается в адрес неопределённого круга лиц и поспешит дальше. А стоит тому же человеку остановиться и по-настоящему задуматься, он непременно впадёт в тоску, отдалится от общества, станет подумывать, не уйти ли ему в монастырь, и вообще с ним начнут твориться нехорошие вещи. Вот и Шаров весь рабочий день что-то себе накручивал, а под занавес выскочил в приёмную и, приблизив к секретарше горящие глаза, произнёс взволнованным голосом, как будто сделал великое открытие: «Знаешь, почему Сингапур шагнул от бананов к небоскрёбам? Потому что они там с помощью законов сами себе мячи не забивают! Всё дело в элементарной логике. Нельзя выиграть, если играешь против самого себя. Значит, правда совсем простая – даже исполняя закон, нужно прежде всего держаться здравого смысла! А потому следует пойти и выдернуть корень зла, несмотря ни на какие запреты». Сказав это, он вдруг распрямился, посветлел и даже помолодел, словно и в самом деле на него снизошла благодать.

Затем директор поднялся на чердак, вылез в слуховое окошко, прошёл от него немного вправо, потом немного вниз по совсем неопасному уклону, поскользнулся, слетел с крыши и разбился. Он свалился как раз в то место, которое было по инструкции огорожено Упоровым красной ленточкой на случай падения мяча. Так что при его приземлении никто не пострадал.

Вот так бесславно закончил свой путь вечный трудяга, избегавший всякого рода интриг. Предоставлю дорогому читателю самому решать: поднялся он на более высокую ступеньку бытия или же просто, пойдя по скользкой дорожке, свернул себе шею. А что же мяч? Самое удивительное, что следственные органы ни внизу, ни на крыше никакого мяча не обнаружили. Даже выемки, где он мог бы застрять, не наблюдалось. Сплошная гладкая поверхность. Что дало повод некоторым скептикам еще долго вопрошать в сомнениях: «Да был ли мячик-то, может, мячика-то и не было?».

«Ну что же, – скажут, прочитав всё вышеизложенное критически настроенные люди, – история, конечно, занятая, не каждый день директора школ с крыши падают, но в целом всё в ней легко объяснимо с рациональных позиций. То, что иные руководители из-за какой-нибудь мелочи сходят с ума, – не новость. Да и может ли быть иначе, если при назначении бедолаги на должность не учтут самого главного – толщины его кожи. Он, может, и умный, и талантливый, но системе-то

нужен не мыслящий тростник, а ломающие бетон дубы. В общем, нет в рассмотренной драме ничего загадочного и таинственного».

Однако в том-то и дело, любезный мой читатель, что история эта имела весьма бурное продолжение. И виной тому какой-то совсем мелкий чиновник из отдела образования, которого сейчас уже и фамилии-то никто не вспомнит, тем более, что их там быстрее, чем перчатки, меняют. Когда первоначальная шумиха стихла и о Шарове, как в своё время предрёк его друг, на самом деле стали забывать, он, этот незаметный человечиска, решил, что надо на всякий случай подстраховаться. И однажды утром, в почте образовательных организаций города, появилась следующее указание: «Всем учреждениям еженедельно сдавать отчёт о наличии на кровле посторонних круглых предметов с полостью внутри». Отсюда и пошло. Только отчитается директор о том, что у него всё хорошо и ничего порочащего репутацию школы на крыше не наблюдается, и тут же на сайт городской администрации неизвестно откуда приходят фотографии той самой крыши, на которой в насмешку над всеми красуется круглый полый предмет. Сплошное издевательство: отчёт – мяч, ещё отчёт – и снова мяч! Дошло до широкой общественности. Стали говорить, что скоро все директора в городе с крыш попрыгают, а городское начальство и в ус не дует, не контролирует, так сказать, ситуацию. В подтверждение этих слов часть директоров, не дожидаясь своей участи, написали заявления об увольнении, и к удивлению района, желающих на их место не наблюдалось. Опять же и дети стали бояться ходить в школу. Некоторые родители, оправдывая регулярные прогулы своих чад, так прямо и отвечали классным руководителям в порыве негодования: «Сперва уберите с крыши монстра, а потом уже нам выговаривайте!» Сенсационное заявление сделала ревизору повариха одного детского сада. Оказывается, голодный мяч в конце рабочего дня пролез на продуктовый склад и, напугав всю смену, стащил три палки колбасы и прихватил упаковку мороженой рыбы в придачу. Завхозы стали наперегонки писать ходатайства в районо, чтобы им выделили деньги на ремонт крыш, потому что на них мячи уже живого места не оставили. Грызут проклятые! Обнаглевшие полые предметы прокусывали трубы в подвалах школ, ломали старые датчики пожарной сигнализации, провоцируя вызов пожарной бригады, забивались в стояки канализации, вызывая заторы, приводили в негодность замки в кабинетах, писали нецензурные слова в туалетах и занимались прочим мелким вредительством. В газетах и интернете появились объявления: «Сниму мячную порчу. Сделаю кармическую защиту от мяча. Подложу мяч несправедливому начальнику». Средства массовой информации тоже не могли остаться в стороне и всерьёз обсуждали версию, что на крышах школ никакие не мячи, а специально

разработанные вражескими странами роботы, которые занимаются сбором информации о передовых разработках отечественной системы образования и сводят с ума её руководителей. Однако всех переплюнул профессор паранормальных наук Огурцов, который в прямом эфире во всеулышание объявил, что круглые полые предметы есть не что иное, как прорвавшиеся в наш мир из другого измерения головы пленников маяя, которых принесли в жертву после ритуальной игры в мяч. И они, без сомнения, являются провозвестниками начинающегося конца света. То есть, как мы видим, не только образовательная среда, но и всё общество достаточно большого города было крайне взбудоражено.

Понятно, что в такой ситуации от властей требовались грамотные, решительные действия. Поэтому, во-первых, в школы по госконтракту поставили импортные конструкторы, из которых дети на уроках труда могли самостоятельно собрать квадрокоптеры и впоследствии использовать их для видеофиксации обстановки над учреждением. Во-вторых, администрация города нашла весьма значительные бюджетные средства, чтобы работники проверенной, хорошо ей знакомой специализированной организации смогли, наконец, подняться на школьные крыши и очистить их от мячей.

Однако принятые меры не помогали, и круглые полые предметы росли на кровлях, как грибы после дождя. Тогда среди вконец растерявшихся чиновников нашлась-таки умная голова. И мне искренне приятно, что нашлась она именно в образовании. Администратором, предложившим правильный выход из сложившейся ситуации, был никто иной, как уже известная нам Локтева. «Откровенно говоря, что же мы так суетимся, – высказалась она на совещании при главе города. – Проблема есть у того, кто хочет её видеть. А если проблему игнорировать, то она сама по себе исчезнет. Во всяком случае, директора найдут, как её решить». В итоге наутро по всем школам разослали следующую методическую рекомендацию для заполнения отчётов по мячам: «Круглые полые предметы, отмеченные в предыдущих отчётах, во второй раз не учитывать и, соответственно, в графе “наличие” писать “отсутствуют”».

Ну, против такого подхода, разумеется, не устоит никакая нечистая сила. И постепенно вся эта мячная лихорадка сошла на нет. Только в отдельных школах в редких случаях появлялись ещё на крышах непонятные предметы, но теперь уже данные факты свидетельствовали лишь о нерадивости отдельных директоров и ни в коей мере не говорили о недостатках системы в целом.

Некоторое время после описанных событий в городе имело место жуткое явление. Тёмными дождливыми ночами по его пустынным улицам метался безумный лысый человек с мячом в руках. Человек кричал, наводя ужас на сонных обывателей: «Ищу здравый смысл!»

Фантом

Не дай бог кому-нибудь оказаться под давлением тёмных сил... Иной раз случается, что даже в хорошо устроенную, основанную на строгих принципах жизнь всеми уважаемого человека врываются непостижимые, загадочные энергии, которые колеблют самые основания его личности, заставляя усомниться в правильности своего бытия. Странные при этом происходят метаморфозы: активный, продуктивный член общества становится вдруг нерешительным, слабохарактерным, ни к чему не пригодным субъектом, похожим на... чёрт знает что. Хотя, если поразмыслить хорошенько, бывают обстоятельства, которые способны и самого чёрта смутить, не говоря уже о слабой человеческой натуре.

Родион Иванович Кочет к слабым натурам не относился. Тот, кто видел его впервые, сразу же понимал, что пред ним не рыхлая порода, а настоящий кремь, с которым лучше избегать противоборства. Действительно, роста он был высокого, сухощав, без всякого намёка на живот, хорош в плечах, носил плащ особого покроя, вроде кавказской бурки, который делал его ещё плечистее, нос имел орлиный, как и взгляд, падающий на собеседника свысока через тонкую верхнюю губу. Правда, перед вышестоящими Кочет чудесным образом укорачивался и направление его взора менялось: голова вдавливалась в плечи, чуть запрокидывалась, как у ждущего корма птенца, а наполненные вниманием глаза, смотрели на собеседника откуда-то снизу из-за ощерившегося в приятной улыбке рта. Впрочем, подобные превращения у нас не являются чем-то из ряда вон выходящим. Голосом Кочет тоже отличался. Когда такие голоса, высокие и звучные, набирают силу, дрожит хрусталь в люстрах и вибрируют коленки у подчиненных.

Однако в последние дни Родион Иванович не брал верхние ноты. Вообще, он уже вторую неделю никого на производстве не подавлял, хотя, будучи главным помощником зама по общим вопросам, считал своим долгом выявлять нарушителей регулярно. Его белая каска не появлялась внезапно на том или ином объекте ни до обеда, ни после него, ни за пять минут до окончания смены, обходилось без докладных записок, объяснительных, лишения премий. Непонятное затишье вызвало разные толки среди трудящихся и даже дало повод некоторым

утопически настроенным рабочим заподозрить начало перехода Вселенной в новую фазу развития, в которой нет места Кочетам. Родион Иванович о такой крамоле, конечно, не знал, но и без того чувствовал себя скверно. И причины его душевного нестроения были весьма серьёзные. Сами посудите, может ли человек оставаться спокойным, услышав от начальника такое: «Не переусердствовал ли ты, Родя? Получается, у нас что ни день – нарушение трудовой дисциплины или техники безопасности. Даже высокая комиссия приехала. Интересуется. Любопытные, говорит, у вас показатели. Правильно ли оформлены взыскания? Как вообще ведётся профилактическая работа с людьми? Короче, затребовали бумаги и роют. И как ты понимаешь, нарыть чего-нибудь не проблема. Всё дело в подходе». На резонные возражения Кочета, что он, мол, всегда только для дела и старался, что без контроля и хорошие люди портятся, а уж тем более наши, да к тому же выявление виновных даёт экономиию средств, шеф только почесал затылок и хмуро произнёс: «Оно, конечно, так, однако... посмотрим, какие будут сделаны выводы. Ты же давай пока без лишнего рвения».

Кочету оставалось только ждать. Ждать зарплаты. Не будет в ней обычной надбавки за высокие показатели труда – значит, дело дрянь, без серьёзной причины ранее дарованного куска не лишают. «Да и ладно бы просто взгрили для порядка, – раздражался он, – чай не мальчишка, в сорок пять не привыкать. Но ведь в чём нелепость ситуации: профилактическую работу им подавай! Ежу понятно, что наказание в первую очередь и есть самая лучшая профилактика. Не беседы же с работягами разводить!»

Таким образом, дух Кочета испытывал нездоровое томление. Что называется, и крылья есть, да лететь некуда. Однако хандра в принципе может настичь каждого. Не каждый способен с ней справиться. Родион Иванович, как человек умный, давно нашёл для себя средства борьбы с этим весьма распространённым на Руси недугом. Причём средства активные, позволяющие направить саморазрушающую энергию в созидательное русло.

Самое простое – можно было поучить супругу, которая вечно что-нибудь делала не так. Занятие естественное и даже поощряемое с точки зрения морали. Ведь ещё в писании сказано, что жена должна учиться в безмолвии, со всякою покорностью. Только боже упаси кого подумать о рукоприкладстве! Таковое имело место лишь в крайних случаях и столь же редко, как употребление розог в школе под конец девятнадцатого века. Речь здесь идёт больше о наставлениях главы семьи, вообще полезных для любой замужней женщины. И действительно, когда слёзы просветлённого раскаяния появлялись на лице второй половины, Родиону Ивановичу становилось легче.

Во-вторых, сильно взбадривало исполнение воспитательных обязанностей по отношению к младшему сыну (старшего он уже благополучно пристроил в ВУЗ). Здесь всё обстояло не так просто. Кочет-младший был плоть от плоти своего отца и, хотя учился только в пятом классе, мог много взрослого поставить в тупик, используя весь арсенал усвоенных от родителя выражений. Тем не менее, отцовский авторитет он признавал и, когда после недолгого спора получал по загривку, только слегка огрызался, воспринимая данный аргумент как должное. В целом Родион Иванович был доволен отпрыском и любил повторять: «Сеня у меня далеко пойдёт, ему уже сейчас палец в рот не клади!» Он не раз с умилением вспоминал, как его сын выстроил по струнке кухонную бригаду в школьной столовой. И ведь не знал, что папа потихоньку смотрит из-за дверей. Стоял твёрдо, засунув руки в карманы, громко выговаривая опешившим поварихам: «Почему котлеты невкусные? Почему в них мяса совсем нет? Куда оно делось, я вас спрашиваю!» Когда же его попытались сбить с толку незнакомыми словами, что еда, мол, готовится по цикличному меню и технологическим картам, даже бровью не повёл и уверенно продолжил: «Не знаю, что вы там химичите со своими технологиями, а только нормальному ребёнку есть это невозможно. Жалобу буду на вас писать за нарушение прав детей на здоровое питание! И не директору школы, а выше! У меня всегда после вашего обеда живот болит. Дайте мне нормальный кусок мяса, а не эту мешанину!» Кочет тогда еле сдержался, чтобы не расхохотаться. Забавно было видеть, как сама хозяйка кухни, скривившись, кладёт на тарелку его сыну свинину в черносливие. «Управленец растёт! – радовался Родион Иванович за своё чадо. – И пусть пока ещё он ничего не напишет, потому что и писать-то толком не умеет. Главное – заставил себя уважать. У другого грамотного и с двумя высшими так не получится».

Третьим, и наиболее сильным средством, позволяющим Кочету не падать духом, была общественная деятельность в управляющем совете школы. Рядовой родитель зачастую и не знает, что в образовательном учреждении есть такой демократический орган, а Родион Иванович не только знал, но и принимал в его работе самое деятельное участие. По правде говоря, на нём весь орган и держался, можно даже сказать, сам он и был этим органом. Во всяком случае, являясь бессменным председателем совета, Кочет поставил дело так, что мог смело, подобно известному монарху, заявить: «Управляющий совет – это я!» И действительно, встречали его не хуже чем Короля-Солнце или какого-нибудь высокого гостя из городской администрации. Подхватывали под руки чуть ли не на ступенях крыльца, приглашали в кабинет директора раздеться, отведать чая или кофе с коньяком, заглядывали

ему в рот во время обхода учреждения, озабоченно кивая, записывали в тетрадку его замечания, о том, что где-то кран подтекает или замки в туалетных кабинках сломаны, или линолеум в каком-то классе пора менять, или парты обновить, ну и так далее. Кочет, разумеется, видел, что ему подыгрывают, но относился к этому снисходительно, хотя иной раз мог так рыкнуть, что всем сразу становилось не до игр. Важной функцией совета было также распределение премии учителям. Вернее, распределяла её премиальная комиссия, однако без подписи председателя окончательное решение не могло быть принято, и Родион Иванович живо интересовался вопросом, внося иной раз незначительные коррективы. Вообще к чести председателя следует отметить, что он, как хозяин прайда, зубы в ход пускал редко и вполне удовлетворялся безоговорочным признанием своего доминирующего положения. В то же время и администрация школы справедливо полагала: раз уж сверху приказали организовать в учреждении демократию, значит, она, хотя бы в лице Кочета, должна быть. Таким образом, и здесь человек был на своём месте, вызывая у окружающих чувство глубокого уважения.

Конечно, будучи личностью проницательной, Родион Иванович с самого начала не сомневался, что возглавляемый им совет к реальному управлению школой имеет такое же отношение, как люлька к управлению мотоциклом. Это в какой-нибудь частной гимназии её отцы-основатели могут собраться и быстро, по-деловому решить новый корпус или, допустим, спортзал построить. А в муниципальном учреждении так дела не делаются. Здесь быстро могут разве что директора сменить, причём без всякого согласования с какими-то там доморощенными школьными структурами. Однако Родион Иванович отнюдь не считал свою деятельность бессмысленной и даже, напротив, находил ей глубокое философское обоснование, поднимаясь при этом на чрезвычайно высокий уровень рассуждений. «Любая система, – полагал он, – способна существовать, а тем более развиваться, только при наличии необходимых ресурсов. Хорошо, когда есть их приток извне. А если нет? Тогда система должна изыскать резервы в самой себе, хотя бы видоизменившись и пожертвовав чем-то. Однако для запуска данного процесса нужен мощный стресс». Таким жизненно важным стрессом и являлся, по мнению Кочета, усиленный контроль. Иными словами, всё сводилось к простой формуле: пнёшь – шевелится, не пнёшь – не шевелится. И чем меньше средств, тем сильнее нужно пинать. Вот Родион Иванович и вносил свою скромную лепту в дело развития образования.

Словом, Кочет был ярким представителем того редкого типа людей, которые не только имеют твёрдые убеждения, но и действуют в соответствии с ними. Действительно, многие ли из нас могут этим

похвастать? Чего греха таить, обычно нас хватает лишь на то, чтобы подискутировать в тесном кругу на кухне, выпить дешёвой водочки, закусить дешёвой котлетой из супермаркета, на которую Кочет-младший даже смотреть бы не стал, и наутро, как ни в чём не бывало, отправиться выполнять чужую волю. Насколько мы далеки от Родиона Ивановича, который, отбросив ложные направления, узрел истинный вектор движения жизни и шёл в ногу со временем, или, как сказали бы на востоке, почувствовал сущность Дао и внутренне слился с ним. Есть ли вообще силы, способные зародить в подобных людях хотя бы тень сомнения? Определённо, если они и существуют, то приходят из мира потустороннего.

Вот и в этот вечер, представлявший собой один из тех унылых осенних вечеров, когда время сгустилось и тянется, и с тоски хоть бери да книжку читай, Родион Иванович вполне владел собой. Правда, градус его настроения вследствие неопределённости на работе был на довольно низком уровне. Однако Кочет имел решимость подняться над своим состоянием, используя весь комплекс тонизирующих средств. А именно: в качестве аперитива – исполнить отцовские обязанности, в виде основного блюда – нанести визит в школу, ну и, наконец, на десерт – провести разъяснительную работу с женой. Тем более что она, замещая ушедшего в отпуск начальника отдела, взяла моду возвращаться домой после семи, тогда как в первую очередь должна думать о благополучии мужа и сына.

– Сеня, дневник неси! – крикнул Родион Иванович с дивана и потянулся за кальсонами.

Всё-таки несолидно заниматься педагогикой в семейных трусах.

Не услышав в соседней комнате признаков жизни, Кочет уже по-серьёзному гаркнул:

– Оглох что ли?

– Здравствуй, папочка, я тебя прекрасно слышу и всегда внимательно слушаю, – почтительно сказал, появляясь в дверях с дневником, расчёрсанный на прибор Сеня.

– Ну, показывай, – смягчился Кочет, испытывая даже прилив неких отцовских чувств.

Однако лучше бы Сеня не показывал. У Родиона Ивановича и так в последнее время неприятно тянуло под лопаткой, отдавая в крайний верхний зуб справа, тут же ему сделалось совсем нехорошо. Аккуратная, насмешливая двойка по литературе смотрела председателю управляющего совета прямо в глаза. Обычно его сыну и тройки-то побаивались ставить, причём даже матёрые, уважаемые педагоги, здесь же Кочета, пусть маленького, но все же Кочета, оценила неудовлетворительно какая-то там пигалица, у которой самой молоко на губах не обсохло. Родион

Иванович сразу решил, что научит молодую, ещё не пуганную училку знать своё место. Тем не менее, желая вести беседу в педагогическом русле, а заодно подробно разобраться в вопросе, он спросил:

– Ну и за какие заслуги, мой дорогой Арсений, тебе такой подарочек?

– А ни за какие, – уверенно заявил отпрыск. – Она придирается.

– Во-первых, у неё, наверное, имя есть, – нахмурился Кочет-старший, – во-вторых, не придирается, а оценивает твою работу. За что два, я тебя спрашиваю!

– Домашку, говорит, не выполнил, – изобразил обиду Сеня. – А на самом деле я всё сделал, только в тетрадь не записал.

– И что вам задавали?

– Составить рассказ про Москву. Не меньше семи предложений. Вот я даже зафоткал его для доказательства, перед тем, как сдать.

Родион Иванович прочёл в телефоне сына сдёрнутые с Интернета статистические данные о столице.

– Не пойму, в чём проблема. Тебе трудно было печатный текст в тетрадь переписать?

– Да ведь не было задания делать письменно. В дневнике все зафиксировано. Я так понимаю: рассказ составлен? Составлен. Все семь предложений как с куста. А в каком виде, про то извините, никто не уточнял. Я и Марине Сергеевне так сказал.

«Хитёр бобёр», – усмехнулся Кочет, пересчитав предложения.

– И что Марина Сергеевна тебе ответила?

– Это, говорит, не рассказ. И вопросы начала задавать.

– Какие вопросы?

– Не помню: про кремль там чего-то, кто Москву основал? А разве я обязан отвечать историю на литературе. Тем более что мы этого и по истории не проходили.

Тут Арсений Родионович, невинно улыбнувшись, спросил:

– А, правда, папа, кто её основал?

Кочета-старшего передёрнуло. Про Питер-то он ещё знал, а про столицу запомнил.

– Если тебе всё на блюдечке выкладывать, – сказал он с раздражением, – ты никогда ничего не усвоишь. Самому надо добывать знания, чтобы не быть идиотом.

– Вот и она меня в итоге также обозвала, – громко вздохнул Сеня.

– В смысле!? Так прямо и сказала? – Родион Иванович аж подскочил на диване.

– Ну не совсем, – замылся отпрыск. – Но всё равно это имела в виду. Я ей пытался обосновать свою позицию, а она говорит, не желаю больше слушать твои идиотские речи. Какое она имеет право меня оскорблять, да ещё перед всем классом! Как будто специально так

сказала, чтобы все приняли меня за дурака. Я после того на других уроках полноценно учиться не мог.

Закончил продолжатель рода на том, что схватившись за правую грудь, заныл:

– У меня даже вот здесь колело.

Младший Кочет давно ушёл к себе в комнату и в самом благодушном настроении резался в компьютерную стрелялку, а старший всё ещё не мог успокоиться, нарезаая круги по прихожей, как голодный лев в клетке. Наконец, остановившись перед зеркалом, он криво улыбнулся, накинул любимый плащ и вышел за дверь.

Город был окутан той самой глухой осенней тьмой, когда на небе ни звёздочки, снега ещё нет, а фонари почему-то не горят. Сильный ветер крутил сухие листья, толкал в спину прохожих и, забегая спереди, швырял им в лицо поднятую с тротуара пыль. Деревья дрожали, издавая глухие стоны, в ожидании холодного затяжного дождя. Однако Кочет, приподняв повыше воротник, твёрдым шагом двигался к намеченной цели, вовсе не замечая каких-то там погодных явлений. И только когда Родион Иванович, прошёл через дыру в ограде и оказался на пришкольном участке, он заметил вещь крайне неприятную для любого человека. Действительно, нога его ступила в нечто свежее и неприлично мягкое. «Вот дьявол! Чёрт бы побрал всех этих собачников и директора, который их не гоняет», – взвился Кочет. Крепко ругаясь, он стал шоркать обувью по опавшей листве, как вдруг увидел невдалеке в слабом свете школьного фонаря высокого мужчину и рядом с ним мощного, коренастого пса бульдожьей породы. Кочет бесстрашно двинулся вперёд, чувствуя свою правоту. К тому же он находился не где-то в тёмном переулке, а на своей территории под обзором висящей на стене видеокамеры.

– Здравствуйте, я председатель управляющего совета школы, – зазвенел его высокий, наполненный металлом голос. – Представьтесь, пожалуйста, и объясните, почему Вы, нарушая закон, выгуливаете здесь собаку.

Он попытался разглядеть и запомнить стоящего перед ним субъекта, однако сделать это было нелегко. Во-первых, незнакомец был в капюшоне, во-вторых, большую часть его лица прикрывала чёрная маска. Единственное, что можно было отчётливо увидеть, – наглые, насмешливые глаза и густые сросшиеся брови над ними.

– Моё имя Вам вряд ли чем-то поможет, а вот скажите мне, уважаемый председатель, почему в школьной ограде сплошные пробоины?

И пока опешивший Кочет набирал в рот воздуха, продолжил:

– Я здесь оказался по необходимости. Тоби, знаете ли, своеобразный санитар леса, то есть любит вечером поохотиться, и по тому случаю

забежал сюда. Кстати, тем же путём, что и Вы. Может быть, даже за Вами. И если его оставить одного, он непременно кого-нибудь сожрёт.

«Запугать пытается, – понял Кочет. – Видал я таких типов. Стоит только нажать, сразу идут на попятную».

– По школьной территории дети ходят, а Ваша собака гадит! – рывкнул председатель. – Если через минуту Вы не уберётесь отсюда со своей псиной, придут ребята в погонах. Перед ними и поумничаєте. Им Ваше имя точно поможет.

Родион Иванович уже потянулся за телефоном, но тут произошло событие прямо-таки душераздирающее. Тоби, подтверждая слова хозяина, злобно зарычал, рванул куда-то вбок и скрылся в кустах. Раздался пронзительный кошачий крик, шипение, возня, затем всё стихло. Через минуту пёс прибежал назад с задавленной добычей в зубах. Бросив кошку на землю, Тоби начал рвать её с глухим ворчанием и чавкать, время от времени вскидывая недоброжелательный взгляд на Кочета. И тогда было видно, как с тёмной повлажневшей морды зверя стекают казавшиеся бурыми капли.

– Тоби, оставь, – сказал с укоризной хозяин, – это всего лишь чёрная кошка. Ею сыт не будешь. Побереги зубы для крупной дичи.

Но его приземистый питомец даже ухом не повёл.

– Вот такой дикарь этот малыш, – весело обратился незнакомец к Родиону Ивановичу. – Если уж наметит себе жертву, то не успокоится, пока не съест её с потрохами. И смотришь, от живого, активного существа через минуту остаются только рожки да ножки. Так на чём мы с Вами остановились, господин председатель? Кстати, как Вас называть, господин или всё-таки товарищ?

В горле у Кочета пересохло.

– Э-э-э-э, – протянул он осипшим голосом, – да ведь собственно... это не имеет значения.

– То есть как это? Очень даже имеет. Все наши беды как раз от того, что мы не называем вещи своими именами. Надо чётко определиться: господин Вы для тех, кем управляете, или всё-таки товарищ. Если господин, то по какому праву властвуете?

– Но ведь я не властвую, я только для детей стараюсь...

– Оставьте, уважаемый. И Вы туда же. Послушать, так у нас каждый чиновник, начиная с самого мелкого, да что там чиновник, каждый активист только и делает, что о детях заботится. Лишь среди учителей одни злодеи собрались. Впрочем, всё это старо как мир. Сами же помните: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры... Змии, порождения ехиднины!»

Услышав последнюю фразу, Тоби насторожился, бросил возиться с остатками добычи, подошёл к хозяину и, глядя на Кочета, отрывисто гавкнул.

– Уберите собаку, – истерично вскричал Родион Иванович, – здесь сейчас снимает видекамера.

– Тоби, не пугай господина, – сказал незнакомец. – Так всё же, дорогой председатель, почему у школы до сих пор нет нормальной ограды? Может, потому, что Вы много лет командуете, но совсем не несёте ответственности? Слышишь, Тоби, а ведь он, правда, всё время играет в одни ворота и никогда не несёт ответственности.

Переглянувшись с бульдогом, человек в маске расхохотался. Пёс тоже зафыркал, засопел, потряхивая мордой, будто давился от смеха.

Внезапно незнакомец успокоился и холодно сказал:

– А не кажется ли Вам, между прочим, что Вы сами постоянно нарушаете закон?

Как ни странно, упоминание о законе подействовало на Родиона Ивановича благотворно, даже вернув ему некоторую почву под ногами.

– Ложь! Я никогда в жизни этого не делал и другим не давал.

– Неужели? – удивился хозяин собаки. – И парковались всё время в положенном месте? И дорогу всегда переходили только по пешеходному переходу?

Кочет скривился, но ответил вполне искренне:

– Допустим, и я не безгрешен в мелочах, однако одно дело неправильно поставить машину, другое – выгуливать хищника на школьном дворе.

– Как сказать, дорогой председатель, дьявол кроется именно в мелочах. Знали бы Вы, сколько людей попадает в аварию из-за чьих-то невинно загораживающих обзор автомобилей. Впрочем, я сейчас даже не об этом. Гораздо хуже иное. Когда люди, особенно власть имущие, вроде бы поступают по закону, однако трактуют его чуть-чуть по-своему, убирают из его смысла самую, казалось бы, незначительную малость, и получается уже не всеми нами уважаемое право, но нечто совершенно обратное. Вот за такие мелочи, дорогой Родион Иванович, просто необходимо отвечать. Иначе будет нарушен фундаментальный принцип бытия: принцип справедливого воздаяния. А это чревато большими неприятностями для всего мироздания. Недаром ещё древний пророк, узревши истину, сказал: «Каждый будет умирать за своё собственное беззаконие; кто будет есть кислый виноград, у того на зубах и оскомина будет»*.

Из всего сказанного Кочет, уже несколько пришедший в себя, услышал только, что собеседник знает его имя. «Значит, он не совсем посторонний с улицы, – соображал Родион Иванович. – Возможно, даже родитель какого-нибудь балбеса из этой же школы. То есть открытой агрессии, тем более под камерой, скорее всего, опасаться не

* Книга пророка Иеремии 31:30

стоит. Хорошо бы, конечно, увидеть его лицо и на всякий случай подыяснить, что он из себя представляет. Судя по дешёвой куртке, невелика птица. Да и говорит больно складно, совсем не как начальство. Причём вкручивает какие-то библейские словечки. А может, он вообще того, психический? Пожалуй, лучше не рисковать, потихоньку ретироваться и вызвать к школе наряд со стационарного телефона. Мало ли каких фокусов можно ожидать от сумасшедшего и его безмозглой собаки».

Тут Родион Иванович бросил взгляд на пса и почувствовал холод в спине. Тоби смотрел на него абсолютно разумными глазами и, казалось, читал его мысли.

– Чуешь, малыш, что это всё-таки наш клиент? – недобро усмехнулся незнакомец. – Придётся, видимо, почистить ему внутренности.

Тоби зарычал, как будто увидел очередную кошку. Родион Ивановичи инстинктивно попятился назад, зацепился ногой за сухую ветку и повалился на спину. «Упавшего дрессировщика рвут на части», – мелькнуло у него в голове. «Помогите!» – закричал он в ужасе и вскочил на ноги. Удивительно, но рядом никого не было. «Прячутся где-то среди деревьев, если никто не появится на крик – нападут», – понял Кочет, и, не помня себя, бросился к школьному крыльцу. Тяжело дыша, он взлетел по ступенькам, рванул входную дверь и вдруг застонал от внезапного прострела в давно поднывавшем зубе.

Появившийся в фойе Родион Иванович представлял собой не орла, а какую-то другую птицу – весьма жалкую и потрёпанную. Однако недаром говорится, что в родном доме и стены помогают. Очень скоро он пришёл в себя, став обычным, внушающим трепет Кочетом. Уже в тот момент, когда бабка в форме охранника подскочила со стула, расплылась в улыбке и, слегка кланяясь, поздоровалась с ним, председатель почувствовал облегчение. Когда же перед ним появились испуганные глаза дежурившей в этот вечер Бутовой, заместителя директора по безопасной жизнедеятельности, он окончательно ощутил себя в своей тарелке.

– Почему у Вас на территории посторонние лица? Да ещё с животными! Что за бардак? Что за наплевательское отношение к безопасности детей? – метал он громы и молнии. – А если сейчас возле школы какая-нибудь собака ребёнка загрызёт? Кто будет отвечать? Кого в первую очередь посадят?

С каждым словом Родион Иванович всё больше наполнялся удалью и вообще, как говорится, оседлал коня. Действительно, будь у него сейчас лошадь, он, вероятно, не пожалел бы нагайки.

– Так ведь нет никаких собак, – нерешительно возразила Бутова. – Ольга Семёновна полчаса назад территорию обходила. Да и по камерам же видно.

Вахтёрша энергично закивала, поддакивая, но председатель не удостоил её внимания, сосредоточив пронизывающий взгляд на заме, как более достойном для излияния своего негодования объекте.

Бутова относилась к разряду тех женщин, которые в юные годы привлекают мужские взоры, но довольно быстро теряют телесные и душевные соки. И хотя она являлась ровесницей Кочета, однако Родион Иванович был ещё, что называется, кровь с молоком, в то время как на ней уже в полной мере сказалась работа в образовании. Лицо её с застывшим отпечатком вины сильно смахивало на сушёный фрукт, хотя подтянутая от постоянной беготни по лестницам фигура вызывала порой у того же Кочета определённые эмоции. Увидев председателя управляющего совета в неурочный час, когда и в школе-то почти никого не осталось, кроме особо трудоспособных учителей, Бутова поняла: «клизмы не избежать». Впрочем, она уже давно приняла тот факт, что администрация образовательного учреждения представляет собой своеобразный буфер между вышестоящими структурами, надзорными органами и возбуждёнными представителями родительской общественности. И всё же в этот раз возбуждение главного родителя имело какие-то гигантские размеры, потому вечная складка на жёлтом лбу заместителя директора обозначилась особенно чётко. Тем более что она отлично помнила, как по жалобе Кочета в прошлом году их школу тщательно проверяли три ведомства, накопив грехов на четыре дисциплинарных взыскания и один внушительный штраф.

– Ах вот как. Нет, значит. То есть я сейчас не бульдога возле школы видел, а просто лёгкий мираж, – брызнул ядом председатель. – Перемотайте-ка съемку на пять минут назад.

Однако здесь опять у Родиона Ивановича случилась мелкая неприятность. На записи, несмотря на тусклое освещение, отлично просматривалось, как вначале он чистил об траву обувь, потом вроде бы разговаривал с кем-то или просто ругался после досадного инцидента, затем упал на ровном месте, вскочил и побежал в школу. Но ни человека, ни собаки обнаружить было невозможно по причине того, что камера имела дефект и правая часть изображения выглядела сплошным тёмным пятном. От Кочета не укрылись взгляды, украдкой брошенные Бутовой и вахтершей на его правый ботинок. Он почувствовал очередной болевой прострел, но теперь уже страдал не зуб, а ущемлённое самолюбие. «Понятно, – злился он, – думают, Кочет вляпался, потом споткнулся, не удержался на ногах и теперь зло срыгает, выдумывая каких-то несуществующих собак».

– Почему у вас система видеонаблюдения в нерабочем состоянии? – спросил он тихо (Родион Иванович всегда начинал тихо, перед тем как пойти вразнос).

– Да вроде сегодня с утра ещё нормально показывала, – недоумённо пожалала плечами Бутова.

– И объясните мне как заместитель директора по безопасности, – продолжил Кочет на два тона выше, – когда, наконец, по периметру школы будет установлено нормальное, соответствующее правовым нормам ограждение. Отдаёте ли Вы себе отчёт, что при Вашем прямом попустительстве территория образовательного учреждения превратилась в полигон для выгула собак?

– Ну, почему же...

– Это я Вас хочу спросить, почему! – перебил Кочет. – Если уж вы забор не способны поставить, то хотя бы прогнать всех этих любителей животных со школьного двора вам под силу? Уж не говоря о том, чтобы задержать их и вызвать полицию. Кого-нибудь, хотя бы одного собачника, по Вашему сигналу привлекли к административной ответственности?

Вопросы предполагали нужное продолжение. Председатель управляющего совета заранее знал, что ему ответит эта, как он считал, среднего ума тётка.

– Так ведь сигнализируем же, Родион Иванович, – с глухой обидой заговорила Бутова. – И в городскую администрацию, и в полицию писали. К участковому сама лично ходила. Он мне так и сказал: «Нет, мол, времени ваших собак гонять. У меня и без них десять тысяч человек на участке». А ограда, она же стоит миллионы. Каждый год ходатайство наверх пишем, чтобы дали нам эти деньги и ещё будем писать.

– В том-то и беда, что все вокруг только отписками занимаются! Неужели непонятно, для чего Вам эти бумажки? Чтобы в случае чего пятую точку прикрыть и ответственность с себя спихнуть. Развели тут, понимаешь, канцелярию! Дело надо делать, а не бумагу марать! Школа – это в первую очередь дети, а не статистическая отчётность. Ведь от их благополучия на самом деле и зависит будущее страны. Люди доверили вам самое дорогое, что у них есть, надеются на вас, и каков итог вашей работы? Администрация школы вместо того, чтобы оградить учеников от опасности, входящие номера на ходатайствах коллекционирует! Знаете, как это называется? Преступное бездействие!

Родион Иванович ещё прибавил голоса и патетических выражений, словно выступал не перед уставшей после трудового дня женщиной, а как минимум, на общем собрании цеха. И, как всегда происходило в тех случаях, когда его речь покорно слушала молчаливая публика, внутри него заиграла музыка, и не просто музыка, а набирающий обороты танец с саблями.

Наконец председатель перевел дух и резюмировал:

– Если через минуту я выйду из школы и замечу на её территории хоть какую-нибудь, пусть даже карманную собачонку, родительская общественность в лице управляющего совета тоже обратится куда следует. И, будьте уверены, проследит, чтобы к ответственным за жизнь и здоровье детей были применены самые (здесь Кочет, задрвав указательный палец вверх, выскочил на октаву выше), повторяю, самые серьёзные меры! Я вас научу Родину любить!

– Не надо обращений, – нервно вскочила Бутова, – я сейчас сама сделаю обход и подежурю на крыльце, пока все окончательно не разойдутся. Всё будет в порядке, Родион Иванович!

Она ещё раз посмотрела на председателя, сглотнула и побежала одевать куртку.

«Так-то оно лучше, – удовлетворённо подумал Кочет. – Не может организовать процесс, пусть хотя бы побегает, растрясёт телеса. Заодно проверит, там ли ещё эти чудовища, ведь действительно, скоро домой возвращаться». И глядя на крепкие бёдра удаляющейся Бутовой, председатель в очередной раз пожалел, что у него нет нагайки.

В общем, Родион Иванович довольно быстро успокоился, перейдя с неистовых аккордов к вальсам Штрауса. Оставалось только разобраться со вчерашней студенткой, по наивности поставившей Сене двойку. Однако для него это было всё равно, что у ребёнка конфетку отобрать.

Увидев её, грозный Кочет невольно улыбнулся. Рядом с тщедушной белобрысой курносостью, которую за стопками тетрадей и разглядеть-то было трудно, он почувствовал себя серым волком возле красной шапочки. «Понаберут по объявлению всяких мявок, – забавлялся он. – Ей не наших архаровцев учить, а разве что в детском саду сказки читать. Скоро заедят её ученички». «Впрочем, – рассудил он философски, – всегда кто-то на ком-то ездит. Такова жизнь».

– Здравствуйте, начал он сухо, – я председатель Управляющего совета школы Родион Иванович Кочет, а Вы, полагаю, Зорина Марина Сергеевна?

Большие голубые глаза недоумённо заморгали.

– Да. Я Марина Сергеевна. А Вы... А-а, Вы папа Сени Кочета, – наконец сообразила она и улыбнулась так приветливо, что Родион Иванович чуть было не потерял боевой настрой.

Но он тут же взял себя в руки.

– Вот как раз по поводу сына я и хочу задать Вам несколько вопросов.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – предложила Марина Сергеевна энергичным голосом, совсем не вязавшимся с её мелкими размерами, – я сама хотела с Вами пообщаться. Знаете, Сеня часто говорит о Вас, ссылается на Ваше мнение. Чувствуется, что Вы являетесь для него

авторитетом. Вообще, это так замечательно, когда у мальчика есть образец настоящего мужского поведения.

«М-да... Не так уж она и наивна, – отметил Кочет. – Мягко стелет. Сейчас начнёт про сотрудничество говорить. А там, глядишь, и на родительских обязанностях акцентик сделает».

Словно в подтверждение его мыслей учительница продолжила:

– Меня как педагога очень обнадеживает, что Арсений умеет излагать свои мысли. Но в то же время у него большие проблемы с грамматикой. Откровенно говоря, пишет он абсолютно безграмотно. Однако не сомневаюсь, что вместе мы справимся с этой проблемой.

– То есть как это вместе? Репетитора наймём? – усмехнулся Кочет.

– Вы неправильно меня поняли...

– А мне кажется, очень даже правильно. Сейчас у каждого второго учителя такая тенденция: отвёл положенные часы, а дальше и Вася не чешись, хочет родитель нормальных знаний для своего ребёнка – пусть на платные занятия раскошеляется. Так вот, уважаемая Марина Сергеевна, у нас в школе родительская общественность подобных номеров не допустит.

– И всё-таки Вы неверно поняли мои слова, – возразила Марина Сергеевна так твёрдо, что Кочет опять удивился. – Арсений вполне способен усваивать материал на уроках. Я его сама научу и совершенно бесплатно. С Вашей стороны нужен только контроль учебной деятельности. Ведь Вы не станете отрицать необходимость контроля?

Тут Родион Иванович сразу не нашёл, что ответить. А учительница, воспринимая его замешательство как согласие, продолжила воодушевлённо:

– Однако главная беда Сени не в слабых знаниях по русскому языку. Писать-то он научится, причём довольно скоро. Плохо другое. Он совсем не понимает ценности литературы для человека. А ведь этот предмет, пожалуй, самый главный в школе.

«Ну, знакомая песня, – ухмыльнулся Кочет. – Каждая лягушка своё болото хвалит».

– Сеня мне так и завил недавно, что не видит смысла книжки читать, когда всё необходимое для жизни можно найти в Интернете.

– Может быть, он отчасти прав, – возразил Кочет. – Дети лучше чувствуют новые веяния. На дворе всё-таки век цифровизации. Чем действительно в современном мире литература полезнее математики или той же информатики?

Марина Сергеевна даже встала со стула.

– Но ведь это ясно как божий день, Родион Иванович. Школа должна вырастить не просто человека, способного решать задачи, и уж тем более не придаток к компьютеру, а в первую очередь гражданина.

– К чему Вы клоните? Поясните, – насторожился Кочет.

– Согласитесь, Родион Иванович, что настоящего гражданина, прежде всего, отличает любовь к Отечеству. А разве можно любить Родину абстрактно, то есть не зная её историю, культуру, не чувствуя её природу. И самое главное, разве может настоящий патриот думать только о своём личном успехе и быть абсолютно равнодушным к окружающим людям? Способен ли в принципе патриотизм вырасти из эгоизма, или всё-таки в его основе нечто другое? А именно те самые гуманистические начала, которые так ярко выражены в нашей русской литературе. Ведь Александр Сергеевич тем и любезен был народу, что чувства *добрые* в нём лирой пробуждал. Наверное, потому он и клялся другу, что ни за что на свете не хотел бы переменить Отечество...

Родион Иванович всё больше раздражался. Предполагалось, что он будет тыкать училку носом, а выходило, как будто учат его самого. Да к тому же ненавистный зуб всё настойчивее заявлял о себе. «Пора сворачивать болтовню», – подумал Кочет и приступил к решительным действиям:

– Полагаю, Вы любите свою работу?

– Просто обожаю, – простодушно ответила учительница. – Даже не представляю, чем я могла бы ещё заниматься.

– Это, конечно, хорошо, однако не стоит, Марина Сергеевна, жить одной литературой. Легко, знаете ли, оторваться от действительности. Есть ведь и другие не менее интересные науки. Например, юриспруденция. Вы, я вижу, любительница цитат. Тогда вспомните, как другой поэт говорил: «Я, например, на свете лучшей книгой считаю кодекс уголовный наш...»* Впрочем, про уголовный это я так, к слову. А вот читали ли Вы кодекс трудовой?

– Не приходилось пока, – удивлённо вскинула брови Марина Сергеевна. – Однако я не понимаю, при чём тут...

– Так вот если бы удосужились заглянуть в него, – перебил Кочет, – а конкретно в главу про регулирование труда работников образования, то возможно нашли бы подходящий эпитет своим педагогическим деяниям.

И глядя в упор на учительницу, спросил:

– Два дня назад на уроке литературы Вы называли Арсения идиотом?

Глаза Марины Сергеевны потухли.

– Не надо передёргивать, – ответила она глухо. – Я попросила его прекратить идиотские речи и считаю, что в самом деле выразилась некорректно.

* В.Высоцкий «Уголовный кодекс».

Кочет внутренне улыбнулся: «Ну, вот и прекрасно, на чувство вины подсадил. Дальше дело как по смазке пойдёт».

– Однако легко у Вас получается, – изобразил он негодование. – Ребёнок хочет изложить свою позицию, пусть не совсем верную, но всё-таки позицию, а учительница затыкает ему рот! И не просто затыкает, а прилюдно оскорбляет его перед всем классом! Какой замечательный педагогический приём! Но вот беда: трудовое законодательство такие действия трактует как психическое насилие над личностью обучающегося. А Вы знаете, что у Сени нервный срыв и давление подскочило. Завтра в больницу поведём. Похоже, дело кончится временной нетрудоспособностью. В то время как у Вас всё просто – некорректно выразилась. Была не права, и забудем. Так что ли?

Повисла пауза. В широко распахнутых глазах Кочет видел крайнее удивление, но страха в них он пока не замечал. «Ладно, – подумал председатель, – всё идёт по плану, сейчас дожду пташку».

– Я, конечно, понимаю, что Вы ещё молоды, и потому не хочу выносить сор из избы. Ведь если об этом инциденте узнают компетентные органы, Вас вышвырнут из образования с волчьим билетом. Однако согласитесь, что Вы должны признать свою неправоту перед ребёнком и принести ему извинения.

– Глупости, – отрезала учительница. – Такими действиями в данной ситуации можно враз испортить подрастающего человека.

– Что!? – вскипел председатель управляющего совета, нависая над хрупкой курносостью, – не в Вашем положении рассуждать, любезная моя! Вы же вляпались по уши. Да знаете ли Вы, что я могу с Вами сделать? Одного моего обращения достаточно, чтобы духу Вашего в этой школе не было. Понимаете ли Вы вообще, кто стоит перед Вами?

И вдруг Родион Иванович получил неожиданный удар ниже пояса. То есть, конечно, выражаясь фигурально. Но дыхание у него перехватило по-настоящему. Марина Сергеевна вместо того, чтобы бояться, плакать, просто нервничать в конце концов, расхохоталась от души, всхлипывая и расстилаясь по лежавшим на столе тетрадам.

– Ой, простите, – сказала она опешившему председателю, вытирая слёзы. – Почему-то я именно так и представляла себе значительное лицо. Только ведь моя фамилия не Башмачкина.

Затем прибавила серьёзно:

– Я, Родион Иванович, начинающий учитель, но главную истину в моей работе уже поняла. В школе нельзя бояться. Как только ты испугался – ты мёртв.

Кулаки Кочета побелели от злости, и трудно даже представить, чем кончилось бы его общение с педагогом, но неожиданно в дело вмешалась третья сторона.

Дверь кабинета внезапно распахнулась, и на пороге появилась горбатая, преклонных лет техничка с ведром и шваброй.

– Подождите снаружи, у нас идёт серьёзный разговор, – бросил Кочет, даже не взглянув в её сторону.

Но техничка не уходила, мялась и что-то бурчала себе под нос, чем окончательно вывела председателя из себя.

– Вы плохо слышите? – зарычал он. – Вам же русским языком сказали!

– А ты того... не больно-то покрикивай. Ноги сперва вытри о тряпку. Всё вокруг уже измазал рыжим. Теперь и до литературы добрался, паразит ты этакий.

– Вон отсюда! – задыхаясь, прохрипел Родион Иванович, не владея собой, двинулся к бабке с явным намерением выкинуть её из кабинета.

Однако она, видимо, сообразив, что ситуация приняла серьёзный характер, чрезвычайно шустро скрылась за дверь. Выскочив в рекреацию, разъярённый Кочет увидел только сгорбленную спину, ныряющую на лестничную клетку. «Нет, я этого так не оставлю», – решил он и помчался догонять. Услышав вверху на лестнице торопливые шаги, он перемахнул два пролёта и оказался в полумраке третьего этажа, где лишь дальний конец коридора слабо освещался грязным жёлтым плафоном. Именно туда направлялась уборщица. «Стой!» – крикнул председатель и прибавил ходу, надеясь настигнуть её в два шага. Но удивительное дело, он шёл быстро, почти бежал, каблуки его часто стучали по полу, чёрные двери кабинетов одна за другой проносились мимо, и, тем не менее, ни странная старуха, ни светильник впереди не становились ближе. Кочет в азарте сразу не понял, насколько затянулось преследование. Только когда он вконец запыхался, до него дошло, что происходит нечто странное. «Какого чёрта я творю? – подумал он. – Не пора ли остановиться?» Но какой-то непонятный, губительный азарт застилал ему голову и вместо того, чтобы бросить всё, председатель, наоборот, ускорялся. Внезапно свет на этаже совсем погас. Родион Иванович резко затормозил. В двух шагах спиной к нему стояла горбунья, чуть тронутая отсветом горевшего за окном фонаря. Наступила зловещая тишина. Вдруг старуха повернулась и вонзила в Кочета холодный блестящий взгляд.

– Зачем ты опять топчешь по чистому? Тебя ведь уже предупреждали сегодня как человека, – зашипела она так злобно, что у председателя ёкнуло в животе. – Дурная голова ногам покою не даёт? Не укоротить ли тебя маленько? Петух без головы быстро успокаивается.

Неожиданно старуха взмахнула шваброй. В этот момент Кочету показалось, что в руках у неё не орудие технички, а самая настоящая коса. Родион Иванович вскрикнул, как подрезанный, отпрянул назад,

поскользнулся и распластался на мокром полу, больно ударившись затылком. Он хотел вскочить, позвать на помощь, но тело перестало его слушаться. Казалось, он лежал, застыв от ужаса, всего несколько секунд, однако что это были за секунды! Обычно твёрдый и решительный Родион Иванович ощутил себя похожим на ту несчастную канарейку, которой он в детстве нечаянно свернул шейку. От сознания беспомощности что-то сместилось в его голове. «Может, я многое в жизни делал неправильно? – подумал он. – И неужели ничего из содеянного уже нельзя исправить?» Глаза у него повлажнели, однако не из-за жалости к птичке, а потому что, чего уж тут скрывать, проскочила мыслишка об адском огне.

Тем не менее, как только Родион Иванович поднялся на ноги и никого рядом с собой не увидел, окутавший его туман малодушия тут же рассеялся. Любому другому в самую пору было бы подумать: «Ничего, мол, это только пугает нечистая сила», но Кочет сразу отверг подобный вздор и уверенно объяснил все имевшие место странные события с рациональных позиций. В самом деле, разве мало по городу шляется дурных собак, похожих на своих сдвинутых по фазе хозяев? Одни кошек жрут, другие из-за пустяка первого встречного разорвать готовы. Ничего удивительного. У каждого свой пункт. Испорченная видекамера на стене образовательного учреждения тоже в порядке вещей. При таком финансировании непонятно, как школа вообще до сих пор не развалилась. Ну а с поломойкой и вовсе просто. Сперва ляпнула языком, не подумав, потом испугалась и бросилась наутёк, а когда её настигли, огрызнулась со страху, как загнанный в угол зверёк. Всё остальное, в том числе разумные глаза бульдога, затянувшуюся погоню, косу вместо швабры, Кочет приписал расстроенному воображению в связи с недомоганием и неопределённостью на работе.

«Вот ситуация с Зориной действительно представляет опасность, – рассуждал Родион Иванович, – и требует самых серьёзных действий. Иначе очень скоро все вокруг начнут говорить: «А председатель-то голый!» Пожалуй, оно и к лучшему, что влезла эта бабка. Наломал бы дров сгоряча и, глядишь, дал училке какие-нибудь козыри в руки. Лучше подойти к вопросу основательно. Завтра надо сводить Сеню к знакомому терапевту. Пусть недельку дома со справкой поваляется. Потом жалобы накатать в районо, в прокуратуру, уполномоченному по правам ребёнка. Что ж, Марина Сергеевна, теперь мяч на моей стороне, посмеёмся вместе».

Только он так подумал, как несчастный зуб его занял, передавая эстафету на всю правую половину челюсти, которая вмиг стала напоминать настраивающий инструменты оркестр. Родион Иванович застонал и опёрся рукой о стену. Пару минут он надеялся, что отпустит.

Однако, похоже, на сей раз судьба постучалась в дверь по-настоящему, и симфония только началась. В небольшом просвете между приступами боли, мутном, как кусок бледного неба среди туч, Кочет набрал номер такси и назвал адрес зубной поликлиники.

Подходя к выходу, он хмуро спросил вытаращившегося на него сторожа:

– Где Бутова?

– Так ведь все ушли уже давно.

– Как? И Зорина, и горбатая техничка?

– Говорю же Вам, ушли часа три назад, а может, и больше. Вы на время-то посмотрите!

Кочет с удивлением увидел, что настенные часы показывают без четверти полночь. Однако сейчас ему уже было не до часов. В играющем первую скрипку зубе закручивало так, что, казалось, ещё немного, и он лопнет вместе с мозгом на пару. С трудом дождавшись подъехавшего к калитке зелёного огонька, Родион Иванович выскочил на улицу.

В такси Кочета всё раздражало до чрезвычайности. И какой-то неприятный козлий запах в салоне, и болтающийся перед глазами пластиковый скелет, и фальшиво улыбающийся водитель с грязными нестриженными когтями. «Впрочем, – подумал председатель, – главное – не алкаш, не наркоман. До места доведёт, а детей мне с ним не крестить». Но таксист на самом деле оказался неплохим парнем. Увидев, как Родион Иванович ткнулся в закрытые двери зубной клиники, он любезно предложил ему проехать до старого центра, где есть одно место, в котором рвут и сверлят всю ночь напролёт. Уговаривать Кочета не пришлось. Он находился в том состоянии, когда ни вздохнуть ни выдохнуть, и рад был хоть к чёрту ехать, лишь бы полегчало. Когда машина остановилась у старинного массивного здания с вывеской «Экстренная стоматология», он даже почувствовал к шоферу что-то вроде симпатии и, сам себе удивляясь, пожелал ему удачи на дорогах.

– Всегда рад помочь хорошему человеку, – осклабился водитель, обнажив крепкие клыки, – даже если мне с ним детей и не крестить.

Пройдя через обшарпанный тамбур, Родион Иванович оказался в убогом, полвека не отремонтированном фойе. Бугристый потолок и когда-то белые стены его пожелтели от времени. На идущих к чугунным батареям трубах там и тут темнели похожие на тараканов застарелые свищи. Каменный пол был до того истёрт и выщерблен местами, что, казалось, ещё немного – и в нём образуются настоящие дыры, через которые рискнувшие явиться сюда пациенты провалятся прямо в преисподнюю. Общее впечатление было такое, как будто в

давно заброшенное, наспех приведённое в хоть какой-то порядок помещение, временно поставили стойку регистратуры и посадили за неё сурового вида пенсионерку в белом халате. «По всему видать, муниципальная контора, – поморщился Кочет». И тут же получил ещё одно тому подтверждение:

– Бахилы надевайте, мужчина. Некому тут после вас грязь убирать.

– А где собственно их взять?

– Аппарат слева от Вас. Десять рублей пара, – прилетело из-за стойки. – Только я деньги не меняю. Здесь не магазин и не рынок, знали поди-ка, куда шли.

Родион Иванович действительно знал, что в иных случаях наличие петельки на верхней одежде или нужной мелочи в кошельке сильно облегчает жизнь человека, однако в суете сегодняшнего вечера совершенно забыл об этом. Он растерянно сунул руку в карман плаща и с радостью обнаружил там среди мелочи две десятирублёвых монетки. «Вот что значит привычка к порядку, – самодовольно подумал Кочет. – Паспорт с собой, медицинский полис, как всегда, под его обложкой, телефон, в котором есть все необходимые номера, заряжен, расчётная карта на месте, наличные тоже здесь, включая разменные. Самое главное для современного человека – организованность. Того, кто заранее обо всём позаботился, голыми руками за жабры не возьмёшь». Родион Иванович даже повеселел немного, тем более что приступ прошёл. Оставалось только выдернуть корень зла, и завтра можно было с лёгкой душой приняться за осуществление своего плана в отношении глупенькой учительницы.

Кочет, кряхтя, натягивал маленького размера бахилы на свои внушительные лапти, когда в фойе вошла юная особа с серым лицом.

– Нечего тебе тут делать, дорогая моя, – нахмурилась старуха, – тем более на ранних сроках. У нас тяжёлая анестезия. Сперва роди, потом приходи.

– Как Вы догадались? – растерялась девушка. – Впрочем, мне уже всё равно.

– Впрочем, и мне всё равно, – зевая, сказала бабка, – бахилы только надень.

Но, увы, как раз это препятствие девушке было трудно преодолеть.

– Извините, пожалуйста, у Вас не найдётся десяти рублей, – обратила она к Родиону Ивановичу свои выцветшие глаза.

Что-то необычное шевельнулось внутри председателя. Видимо, сказывались перипетии сегодняшнего вечера. «Ведь она на самом деле пришла к зубному, желая отрезать себе путь назад, – подумал Кочет. – И в то же время сейчас почти уже хочет, чтобы у меня не оказалось нужной монетки. Может, отказать ей, да ещё и рявкнуть по сильнее, чтобы её, дуру, отсюда как ветром сдуло. Глядишь, завтра одумается,

и одним гражданином в стране больше станет. С другой стороны, почему я должен принимать какое-то участие в том, что меня не касается, тем более, не зная всех обстоятельств дела. Ведь каждый человек после восемнадцати волен ... Стоп!»

– Паспорт у неё проверьте, – строго сказал Кочет яге в регистратуре, – может быть, девушка несовершеннолетняя.

Быстро выяснилось, что девице уже месяц как шёл девятнадцатый год, и Родион Иванович, убедившись, что всё по закону, с чистой совестью отдал ей второй десятник. И сразу же его перекошило от боли во внезапно проснувшемся нерве.

– Где у вас гардероб, – простонал он, хватаясь за челюсть.

В ответ председатель услышал насмешливое:

– Вещи с собой берите, здесь назад тем же путём не возвращаются.

Перекинув плащ через руку, Родион Иванович стал спускаться по ступенькам под арочный свод, удивляясь, как глубоко уходит лестница с развешанными вдоль стен старинными светильниками в форме канделябров. Лестница вывела его в длинный, слабо освещённый коридор, один конец которого терялся во мраке, другой упирался в тёмную дверь с горящей над ней табличкой аварийного выхода. Всё это было так необычно, что Кочет даже растерялся. «Но ведь выход там всё-таки есть», – ободрил он себя. Кроме того в том же направлении указывали стрелки на стене с надписью «экстренная помощь». А какой же человек не поверит заботливо нарисованным указателям, если не знает правильного пути. Пройдя около сотни шагов, Родион Иванович с несвойственной ему робостью потянул массивную ручку, привинченную к окованному железом старому дверному полотну.

Однако зал, в который он попал, представлял собой одно из тех вполне обычных помещений, которых в наших поликлиниках пруд пруди – с дешёвым подвесным потолком, вспученной на стенах штукатуркой и, конечно же, с рядами холодных металлических кресел, посидев на которых часок-другой в ожидании приёма стоматолога, можно напрямиком идти на сеанс к урологу. На пластиковых дверях слева от входа висел приклеенный скотчем лист бумаги с надписью «Приём ведёт доктор Чистильщик». Оттуда доносились глухие, прерывистые крики и специфический запах зубного кабинета с еле заметной примесью какой-то гари.

– Кто последний? – спросил Кочет, удивившись слабому хриплому голосу?

Публика, десяток мрачных, погруженных в свои мысли субъектов, не проявила к нему интереса.

– Граждане, кто крайний зубы драть? – повторил Родион Иванович громче и опять не увидел никакой реакции.

Вдруг совсем рядом послышался шум спускаемой из смывного бачка воды, скрип несмазанных шарниров, и внезапно из-за спины Кочета вынырнул невысокий подвижный пенсионер с вьёвшейся в лицо ухмылкой. Одет он был в какой-то древний потёртый френчик грязно-зелёного цвета.

– За мной будете, – ответил он, застёгивая нижнюю пуговицу мокрыми руками.

Старичок внимательно оглядел председателя и занял свободное место у стены. Родион Иванович опустился рядом: между ним и здоровенным парнем, лет двадцати пяти, с огромной опухолью на челюсти, который, видимо, был основательно измучен болью и часто стирал платком выступающий на лбу пот.

В зале ожидания вновь воцарилось тягостное молчание, прерываемое только стенаниями в кабинете врача да досадным постаныванием соседа-здоровяка. Через некоторое время в помещении появилась уже знакомая Кочету девушка и, увидев его, спросила с плохо скрываемой злобой: «Что ж, наверное, я за Вами?», после чего ушла в противоположный угол.

– Эхе-хе, – тихо вздохнул старичок во френче, – такая молодая, а уже грешница.

Кочет удивился. Ещё можно было объяснить прозорливость той фурии в регистратуре. У бабы, как говорится, на такие дела глаз намётан. А как о беременности догадался старый хрыч?

– Почему Вы так решили? – спросил Родион Иванович.

– Видите ли, в это место без причины не попадают, – ответил хрыч негромко. – Вот Вы, например, полагаете, что оказались здесь случайно. Ан нет! Очень даже закономерно. И привела Вас сюда дорожка не иначе, как за грехи Ваши.

– Глупости, – хмуро сказал Кочет, – за полостью рта надо было лучше ухаживать.

И сам себе не поверил. Уж что ни говори, а за своим здоровьем он следил внимательно. В том числе дантиста посещал регулярно. Как раз месяц назад он вырвал начавший подгнивать зуб мудрости и думал, будто все проблемы решены. Теперь же по каким-то непонятным причинам воспалился соседний коренной.

– Безусловно, Вы правы, молодой человек, – усмехнулся старик во френче. – О теле надо заботиться. Однако сами посудите, до него ли мне в настоящую минуту, когда я почти уверен, что сейчас всё и произойдёт.

– Что произойдёт? Щипцы у хирурга о Ваши зубы сломаются?

– Да если бы. Похоже, меня очень скоро ждёт мучительный переход в мир иной, причём в моём случае худший. Хотя знаете, я отчасти даже рад этому обстоятельству.

Кочет промолчал, но подумал: «Довольно распространённая картина: вроде бы ещё живой человек, но определённо выжил из ума».

Собравшийся в мир иной между тем продолжил:

– У каждого, как известно, свой скелет в шкафу. Я не исключение. Пора бы его вытащить на свет, тем более что терять мне уже нечего. Так вот, подвал, в котором мы сейчас находимся, – бывший застеночек НКВД. А люди, с которыми здесь работали заплочных дел мастера, попадали сюда, в том числе, и по моим доносам.

Родион Иванович повернулся к собеседнику. При внимательном рассмотрении он действительно оказался ему гораздо старше, чем с первого взгляда. «Лицо восковое, шея дряблая, – отметил председатель. – И всё же, какой к чёрту наркомат внутренних дел! Для столетнего старца слишком уж он хорошо сохранился.

– Да-да, не удивляйтесь, молодой человек. Позвольте мне Вас так называть, ведь я всё-таки девятьсот семнадцатого года рождения.

При этих словах председатель совсем растерялся, а гражданин, которому перевалило за сотню, заговорил весьма энергично.

– Сколько народу в это подземелье спровадил – и не сосчитать. Поначалу боязно было. Потолковее старался писать, чтобы неправда в глаза не бросалась. Всё, знаете ли, вертелось в голове, что доносчику на Руси первый кнут. А потом присмотрелся, какой уж там кнут, один пряник. Да и дело, по сути, оказалось нехитрое. Никому здесь и в голову не приходило чьи-то вины по серьёзному разбирать. Ведь если уж есть на человека донос – значит, виноват.

– Наверное, и настоящие враги были, а если лес рубят, щепки летят, – неожиданно сорвалось с губ председателя.

Старик во френче так перекосячил в лице, что трудно было разобрать, ухмыляется он или негодует.

– Конечно, были. Врагов у власти во все времена хватало. Тем более что жизнь не стоит на месте. Приходят новые идеи. Соответственно и противники у них новые. Смотришь, а вчерашний враг уже не враг вовсе и даже совсем наоборот. И расправа с ним была не что иное, как злостный перегиб на местах. Тут уж сам чёрт не разберёт, кто прав, кто виноват. Только мне было проще. Ведь я-то не за идею боролся, я из совсем других побуждений. Может, потому и сохранился. Вот, например, как сейчас помню, появилась у нас в коммуналке одна особа. Молодая, симпатичная, с большими глазами. Чистенькая такая вся, аккуратная, носик вздёрнутый. Учительницей работала. Ну, весь подъезд, естественно, давай к ней клинья подбивать, помощь предлагать, намекать о променаде и прочее. Я тоже не исключение. А надо Вам сказать, что я тогда хоть особой должности не имел, однако уже при большом уважении был и на работе, и по месту жительства.

Догадывались люди, в чём моя сила. У нас ведь испокон веков так заведено: бояться – значит, уважают. В общем, скоро все, кроме меня, от этой девицы отступились, от греха подальше. Только сама девчонка, видать, непуганая была. Прямо-таки с луны свалилась. Да ладно бы просто отказала, а то ведь ещё и посмеялась. «Плюгавый, говорит, ты, и мысли у тебя плюгавые. Совсем не пойму, чего перед тобой все робеют». Ну, после таких слов я в долгу не остался, сам себя переплюнул. Тем более что давно имел виды на просторную комнату с окнами на бульвар. Не по статусу уже мне было на десяти квадратах жить. Лейтенант Сироткин даже посмеялся: «Как же ты, говорит, умудрился такую молодую бабу шпионкой трёх разведок заделать?»

В этот момент здоровяк застонал громче, чем обычно, и неожиданно, словно на десне его прорвался гнойник, из него полилось.

– Что за жизнь у нас такая уродливая! А всё она, теснота проклятая, людей с ума сводит. Вот я родом из села. Девять лет в школе дуру прогонял, потом курсы на тракториста закончил. Гириями увлекался, благо, здоровьем бог не обидел. Разумеется, водочку с самогонкой по праздникам кушал, девок щупал. Да они и сами до меня большую охоту имели. Иная, бывало, после общения со мной так разомлеет, что хоть бери её тёпленькую и прямиком в ЗАГС тащи. Выбрать бы мне одну, обжениться, детишек нарожать, да землю пахать. Так нет же, понесла меня нелёгкая в город. Пристроился в коммуналке. Комнатка, как купе в поезде – если ноги вытянуть, то голова в стену упирается. Ещё в квартире какой-то студент обитал во время сессии, справа от него вечно пропадающий на стройках гастарбайтер и в самой большой комнате бабка, родственница хозяйки квартиры. Выглядела старушенция, как божий одуванчик, на самом же деле была злая, как печень. За что она меня невзлюбила, одному богу известно. Скорее всего, просто из ума выживала. И дня не проходило без выпада в мой адрес. Причём довольно-таки обидные слова подбирала: то я у неё деревня, то дуб стоеросовый, то на кухне гажу, то мимо унитаза хожу. А чуть я пытался с ней поговорить, пулей бежала в прихожку, к телефону и вызывала полицию. По поводу чего я только перед людьми в погонах не оправдывался. И зачем бабушку терроризирую, допрашивали, и наркотики у меня искали, и про фальшивые купюры выпытывали. Разве что в людоедстве не подозревали. Но больше всего меня бесило, когда во время моей тренировки выглянет эта мегера в коридор и смотрит с прищуром, словно гориллу какую в зоопарке разглядывает. Так и подмывало отпустить гирьку на седую голову. По правде говоря, только одно меня спасало, что смартфона, и вообще мобильного, у неё не было. Ведь дай такой гримзе в руки Интернет, она до самого президента достучится. Внезапно в конце лета заболела бабуля, да так,

что в прямом смысле до туалета еле ползала. И вот ведь какую вещь удумала. Сообщает мне как-то утром: «Я, говорит, если почувствую, что смерть моя рядом, позвоню во все инстанции и скажу, что ты меня отравил». А мне как раз на смену надо было идти. Нет думаю, шалишь, бабушка, больше ты к телефону не подойдёшь, а то того и гляди, меня за собой на тот свет потянешь. Взял да перед уходом двери в её комнату гирями подпёр. И понимаешь, гнусная такая мыслишка шевельнулась. Вот если помрёт, думаю, карга, в её комнату переберусь. Через сутки вернулся, открываю, а она действительно лежит на кровати уже холодная. Только смотрю, вроде как пальцы на ногах у неё под одеялом шевелятся. У меня, конечно, волосы дыбом. Вдруг выскакивает оттуда здоровенная крыса. Зубы на меня оскалила – и под шкаф. Гири я, разумеется, убрал подальше, и со стороны закона претензий ко мне не было. Однако с того самого дня начала у меня десна болеть. Что только врачи не делали, ничего не помогает. Я уж думал не старуха ли на меня с того света порчу напускает. Переехал в другое место. А мне всё равно с каждым днём хуже. Видимо, это моё наказание свыше. Сегодня ночью совсем взвыл. Чувствую, не выдержу, конец приходит. Вызвал машину и сюда приехал.

Парень замолчал, уставившись себе под ноги. Между тем дело не стояло на месте. Дверь врача с завидной частотой открывалась, из-за неё высовывалась физиономия медсестры, показавшаяся Кочету знакомой, окидывала всех хитрым взглядом и возвещала: «Следующий!»

– Быстро работает Чистильщик, – со вздохом заметил доносчик.

И продолжил:

– Вам, юноша, ещё повезло. Вы сразу страдать начали. Наверное, скоро спасётесь. У меня же другая история. Я, видите ли, жил себе спокойно с видом на бульвар, заботился о полости рта и в ус не дул. Мне даже весело было, когда кто-нибудь рассуждал о справедливом возмездии и прочей, как мне тогда казалось, глупости. Действительно, о каком воздаянии по заслугам могла идти речь, когда я сам в реальности представлял живой образчик противоположного. И правда, при любой власти меня ценили. Отдельную квартиру в том же доме дали, бронь от армии состряпали, уж не говорю про мелочи: ежеквартальные премии, внеочередные путёвки в санаторий и прочее. И награды имеются. Как в возраст стал входить, пионеры зачастили. В школу на праздники зовут. Везде мне почёт и уважение, всюду зелёный свет. Даже когда старые приятели начали на тот свет уходить, радовался, что пережил того, другого. Потому как лишний раз убеждался, что нет на свете воздаяния по заслугам. И вот смотрю, оказался совсем один. То есть натурально ни одного человека из тех, кто меня знал, не осталось. Последнего Сироткина хоронил. За гробом три калеки шли,

ну и я среди них. Тогда до меня и стало доходить. Этот, думаю, хоть обезножил под старость лет и подагрой сильно мучился. Опять же сын у него в аварии погиб. А вспомнить хотя бы Ирода-царя. Тоже ведь умер от какой-то омерзительной дряни, гнил заживо, и черви в его нарывах ползали. Почему же я-то жив-здоров, и ничего у меня не болит. Ну, странная же, в самом деле, история. А вдруг по ту сторону что-нибудь да есть, в том числе справедливость, и судьба приготовляет мне такую непостижимую кару, о которой человеку даже подумать страшно. И если жизнь моя подходит к концу, не значит ли это, что мучения мои только начнутся в нашем мире, но со смертью для меня вовсе не закончатся. Вот вопрос, на который до времени нет ответа. С той поры подобные мысли меня уже не покидали. Как будто голову на плаху положил и ждал, что топор в любой момент опустится. Я и во сне свою казнь чуть ли не каждую ночь видел, да всё в разных, каких-то чудовищных формах. И днём мне за каждым углом тени мерещились, пришедшие по мою душу. Так последние годы и маялся, желая, чтобы всё уже разрешилось как-нибудь поскорее. А сегодня вечером в первый раз за сто лет зуб заболел! Да не просто заболел, а словно наизнанку меня начало выворачивать. «Ну, вот и все», – понял я, одел свою старую парадную одежду, вызвал такси до ближайшей работающей стоматологии и, верите, даже не удивился, когда водитель привёз меня к этому зданию. Н-е-е-т, таких совпадений не бывает!

Окончив свою речь, бывший внештатный сотрудник посмотрел на Родиона Ивановича в упор:

– А за какие поступки Вы сюда попали?

Кочет от такого прямого вопроса, прилетевшего после столь недвусмысленных откровений, поплыл, словно боксёр, отправленный в нокаун. К тому же и зуб вёл себя, как умелый инквизитор, беспрерывной нарастающей болью убеждая председателя в его виновности. Вдруг совсем простая мысль пришла ему в голову.

– Паспорт покажите, – обратился он к старику.

– Извольте, – горько усмехнулся он, вытаскивая документ.

На потрёпанном развороте взгляд председателя выхватил фотографию человека во френче, фамилию Птицын и год рождения тысяча девятьсот сорок седьмой.

Кочет ядовито ухмыльнулся:

– Что-то Вы, батенька, тридцать лет себе прибавили.

Пенсионер, нимало не смутившись, пояснил скучающим голосом:

– Когда советские паспорта меняли, девушка перепутала мою единицу в заявлении с четвёркой. А в стране тогда ещё бардак был, потому так и осталось. Да я собственно не протестовал. Кому же не хочется бесплатно помолодеть.

Кочет хотел уже зашвырнуть камень с души куда подальше и посмотрел на чудака во френче через верхнюю губу, однако тот всё также уверенно добавил:

– На самом деле, здесь никому до наших документов дела нет. Ваша личность, как и моя, им давно известна, история болезни тоже. Лучше подумайте, что Вы скажете Чистильщику перед операцией. Ведь от Вашего ответа будет зависеть...

Не успел он закончить, как дверь, ведущая к доктору, отворилась и в зал вышла сутулая пожилая медсестра.

– Вновь подошедшие, паспорт и страховой полис, пожалуйста.

– У меня их нет с собой, забыл дома, – неожиданно сказал Птицын с дрожью в горле.

– Ничего страшного, данные потом запишем. Раз уж Вы сюда попали, без лечения не останетесь, – неестественно улыбнулась ассистентка дантиста.

Кочет, передавая документы, встретился с ней взглядом и вздрогнул. Из-под растянутого в улыбке лица в него медленно входил холодный, как нож, блестящий взгляд. Только тут он к ужасу своему заметил, что под белым халатом медсестры отчётливо выделяется горб.

Помощница Чистильщика ушла, а Родион Иванович всё никак не мог опомниться. «И непохожа вовсе, верно, совпадение, – убеждал он себя. – Да и откуда здесь взяться уборщице. Однако не слишком ли много совпадений? К тому же, как они могут лечить человека без паспорта? В любом случае здесь творится что-то неладное. Надо хоть весточку о себе подать». Он вдруг вспомнил о жене и потянулся за телефоном.

Увидев его движение, Птицын рассмеялся. Сперва тихо, затем громче, и, в конце концов, застонал от смеха, корчась в истерике.

– Неужели... неужели Вы не понимаете, – задыхался он, – что эти подвалы отрезаны от внешнего мира. Отсюда ничто и никто без особого распоряжения не выходит.

Действительно, связь отсутствовала. «Пора прекращать затянувшийся балаган, перетерплю до рассвета, утро вечера мудренее», – решил Кочет и быстро направился к выходу.

Открыв окованную железом дверь, Родион Иванович сильно смутился. Света в коридоре не было. «Ладно, тут недалеко», – подумал он, включил на мобильнике фонарик и шагнул в темноту. Пройдя метров тридцать, Кочет неожиданно упёрся в раздвижную решётку, закрытую на замок. Доносчик снова оказался прав: выхода не было. «Эй, есть здесь кто-нибудь?» – закричал председатель. Только гулкое эхо отозвалось в глубине коридора. «Тихо, как в гробу, – поймал он себя на мысли и вдруг почувствовал, что за решёткой всё же кто-то есть и этот кто-то смотрит на него выжидающе. В то же мгновение ухо

его как будто уловило глухое рычание. Дрожащей рукой Кочет направил фонарик вперёд, и ему показалось, что он видит во мраке знакомые ему всё понимающие звериные глаза. «Тоби!» – выстрелило у Кочета в голове. Родион Иванович рванулся назад к двери, моля только об одном, чтобы она отворилась. Вбежав в зал с расширенными от страха зрачками, он, тяжело дыша, упал на железное сиденье и некоторое время тряся всем телом.

Не успел Кочет перевести дух, как стал свидетелем очередной безобразной сцены. Пришли за здоровяком. Увидев горбатую, тот вскочил с кресла, попятился в угол, заплакал и заголосил, как ребёнок.

– Не надо, не хочу, не буду больше!

– Толик, помоги! – крикнула медсестра.

Из кабинета врача вышел мордастый детина с бычьей шеей и шарами мускулов под халатом. Ни дать ни взять санитар отделения для буйных.

– Что же Вы так напугались, юноша, – приговаривала сестра, пытаясь взять больного под руку. – Доктор Вас подлечит. Всё обезболит и вычистит.

Однако здоровяк только выл и не двигался с места, возможно, и потому, что ноги у него в эту минуту ослабли. Тогда Толик обхватил его со спины руками, в которых была какая-то звериная сила, и буквально втащил за пластиковую дверь. Какое-то время оттуда слышалась возня, потом раздался нечеловеческий вопль и всё стихло.

Кочет затравленно огляделся. В помещении кроме него остались только беременная девушка и Птицын. Доносчик сидел, весь съёжившись, вперив в стену полный ужаса взор. Время от времени он шевелил губами, словно пытаясь объяснить, потом снова замирал в неподвижности. Наконец он шумно вздохнул, подобно человеку, окунувшемуся в прорубь, встал и, скрестив за спиной руки, направился к Чистильщику. У дверей белый, как полотно, старик остановился, ещё раз взглянул на Кочета и сказал:

– Нет мочи больше терпеть. Если выйдете отсюда, помолитесь за меня.

Родион Иванович ожидал, что Птицына, вошедшего без приглашения, выставят назад, но в очередной раз ошибся. «Сколько можно ошибаться? Видимо, действительно от судьбы не уйдёшь», – подумал он, разом обмяк и отпустил вожжи. В груди образовалась пустота. И вдруг эту пустоту заполнил тот, другой, который, наверное, есть в каждом человеке. Кочет чрезвычайно удивился, потому как давно полагал, что его не существует. Но он не просто появился, а ещё и заговорил, причём весьма настойчиво.

– Ну что, Родя, давай обратимся к фактам, тем более что ты их так любишь. Во-первых, выхода отсюда действительно нет, и это уже само

по себе очень странно. Во-вторых, ты и впрямь оказался в бывшем застенке НКВД в компании грешников. В-третьих, все события сегодняшнего вечера до того необычны, что с трудом поддаются хоть какому-нибудь рациональному объяснению. В итоге, Родион, не кажется ли тебе, что твоё появление здесь, в самом деле, неслучайно? Что? Говоришь, такое невозможно? Но ведь ты же сам сторонник строгого порядка. Согласись, что мир держится не на случайностях и хаосе, а, наоборот, на неких незыблемых законах. Не сомневаемся же мы в наличии причинно-следственных связей вообще. Напротив, мы уверены, что именно они упорядочивают материю и строят из неё нечто отличное от простой свалки атомов. Почему же нельзя допустить их существование, когда речь заходит об этической стороне бытия? Только лишь потому, что нам неизвестны те тонкие энергии, которые циркулируют в этой неисследованной человечеством сфере? Но ведь, например, электричества мы тоже не знали, а оно всегда было и, мало того, управляло процессами в нашем организме. А без магнитного поля Земли, о котором мы и понятия не имели, жизнь на планете вообще была бы невозможна. Может, все мысли, слова, поступки людей как положительные, так и отрицательные тоже связаны в единую стройную систему, которая подчиняется своим законам и составляет одну из основ мироздания? И каждое нравственное или безнравственное действие для сделавшего его неминуемо влечёт своё последствие. Да ведь иначе и нельзя, добро и зло в системе должны быть сбалансированы. Ты возражаешь, что нет истинных критериев нравственности, что в каждой культуре и в каждой исторической эпохе они разные? Говоришь, не проще ли просто полагаться на конкретный закон здесь и сейчас? Наверное, и правда проще, однако я хочу спросить тебя о другом, и спросить прямо перед лицом того непостижимого, что ждёт тебя сейчас: «Есть ли хоть один человек на свете, к которому ты относился так, как хотел бы, чтобы относились к тебе?»

Вопрос грянул, как гром среди ясного неба. Кочету стало нестерпимо жаль себя. Из глаз его потекли слёзы.

– Но ведь я для дела старался, – начал Родион Иванович.

– Полно, Родя, не скули, для себя ты старался и кровушку из людей пил для насыщения своего самолюбия.

– Даже если так, по моим жалобам никого не посадили, разве только уволили или оштрафовали.

– И это не твоя заслуга. Просто времена изменились. Будь у тебя такие возможности, как у доносчиков в тридцать седьмом, ты бы, пожалуй, и Птицына переплюнул. Переплюнул бы? Признайся, только честно!

Больше Кочет ничего не мог сказать. Мысли вихрем понеслись в его голове. Неужели действительно конец? Неужели уже ничего

нельзя поправить и впереди одни только вечные мучения? Не должно быть так. Несправедливо. Каждый раскаявшийся грешник достоин прощения. А ведь он раскаивается. Только бы выбраться отсюда. Тогда он изменит свою жизнь. И сам полностью изменится. Будет творить добро. Возлюбит ближнего своего. Главное – жить. Но что же сделать для этого?

Вдруг взгляд Кочета упал на затаившуюся у соседней стены девушку. «Точно! – осенило его. – Надо пойти к монстрам, принявшим облик врачей, и сказать: отпустите невинную душу, возьмите вместо неё меня с моими грязными потрохами. Такое зачтётся, непременно зачтётся. Несомненно, эта девочка для того и послана мне судьбой».

Кочет мучительно пытался унять дрожь в ногах, чтобы подняться во весь свой человеческий рост и осуществить задуманный план, однако дело приняло совсем неожиданный оборот.

Вышла горбатая медсестра и сообщила:

– Доктор работает до четырёх. Пожалуй, только одного успеем принять, ну а другого, не обессудьте, запишем на завтрашний день. Кто следующий по очереди, проходите.

Родион Иванович подскочил, как на пружинах.

– Конечно, я пропущу женщину вперёд. Тем более что она в положении.

Девушка вздрогнула и медленно пошла к пластиковой двери. На секунду остановилась перед ней в задумчивости. Потом, бросив на Кочета полный презрения взгляд, словно плюнула ему в лицо:

– Трус несчастный!

И, перешагнув порог, вздохнула:

– В любом случае это моё решение.

Помощница дантиста расплылась в насмешливой улыбке.

– Уступить беременной своё место в стоматологическом кресле...

В этом что-то есть. Я думаю, мы оценим Ваш благородный поступок и полечим Вас сегодня.

Наверное, такого пинка председателю и не доставало. Сказать, что внутри него всё горело огнём – значит, соврать. Жгло калёным железом, жарило, как в топке с углем. «Дурак, слюняй, курица ощипанная, – ругал он себя. – Развёл тут, понимаешь, интеллигентские сопли: философию, мораль и прочую белиберду. Что, мол, скажу, врачу. Да то и скажу, кто бы он ни был, хоть сам дьявол, что одно дело о высоких идеалах рассуждать, другое – реально руководить людьми. Тем более нашими людьми, которым только ослабь узду, сразу в галоп пойдут. Попробуй-ка с ними поработать на нравственных началах. Моментом на шею сядут. А что касается гражданского самосознания и прочих высокопарных фраз, тут уж, извините, как раз и попахивает

лицемерием. Народ в массе своей тѣмен, ленив и только о том мечтает, чтобы начальство ему за здорово живѣшь зарплату прибавляло. Не к сознанию надо апеллировать, а к совсем другим вещам. Всѣ гораздо проще и жестче: тебя нагибают, и ты нагибай. Чем сильнее нагнѣшь, тем больше получишь. Вот в чѣм состоит золотое правило управления. Как же тут обойтись без Кочета? Ведь Кочет и делает всю грязную работу, покуда иные белоручки о духовности рассуждают. И не из самолюбия он её делает, а, не побоюсь этих слов, из желанія помочь Отечеству. Ведь именно на таких людях, как он, на скромных винтиках контроля, и держится страна. Причѣм не просто держится, а движется вперед».

Рассудив таким образом, Родион Иванович впервые за долгое время почувствовал, что стоит на более-менее твѣрдом основании. Однако одно дело спланировать речь, и совсем другое произнести её в тех обстоятельствах, когда сила не на твоей стороне. Действительно, сколько раз каждый из нас представлял, как он бросит смелые, полные достоинства слова в лицо несправедливому начальнику, но на деле получалась совсем другая песня. И даже не песня вовсе, а какое-то невнятное пугливое бормотание. Вот и Родион Иванович не смог в полной мере проявить своё ораторское дарование. Уже в ту минуту, когда в зал вышел Толик и, закурив возле туалета, уставился на него, пыл председателя несколько охладел. Один лишь вид этого квадратного типа с небритыми, отвисшими по бульдожьей щеками, в клеѣнчатом фартуке, на котором запеклись потѣки крови, вызвал у Родиона Ивановича колики в животе. Когда же тип, бросив окурок в урну, подмигнул ему и кивком показал на дверь, сердце председателя жалось, а голова стала чистой, как белый лист бумаги.

Онемев от страха, Кочет прошѣл через узкий коридорчик в отделанную белым кафелем комнату и упал в зубоорачебное кресло. Над ним склонились трое: доктор в маске со сросшимися бровями, горбунья с режущим взглядом и заросшая щетиной звероподобная физиономия. В глаза ему направили лампу.

– Откройте рот, Родион Иванович, – медленно произнёс Чистильщик.

Повторять не пришлось. Челюсть председателя сама съехала вниз.

Заглянув внутрь Кочета, доктор нахмурился:

– Ну и что Вы хотите нам сказать?

Тут произошло то, чего даже сам Кочет от себя не ожидал.

– Я Родину люблю, – просипел он, как охрипший петух на заре.

Наступила та самая гнетущая тишина, от которой кровью захлѣбывается сердце.

– Это замечательно, – усмехнулся, наконец, доктор. – Однако с нашей стороны помощь Вам уже не нужна.

– Но ведь болит... болело же, – поправил себя Кочет, вдруг сообразив, что его ничто не беспокоит.

– Такое бывает. Вы недавно зуб вырвали. Вот Вас и тревожат фантомные боли. Это пройдёт. Ромашкой пополощите, и всего делов.

Затем, повернувшись к ассистенту, попросил устало:

– Покажите пациенту выход.

Не успев опомниться, Родион Иванович оказался на узкой лестнице, нижний край которой терялся в темноте. «Неужели всё-таки туда?!» – содрогнулся он.

– Чувствуете, жарю тянет? – спросил с улыбкой сопровождающий. Здесь же в незапамятные времена какие-то военные размещались. И у них, как водится, была своя кочегарка. Сколько лет прошло, а до сих пор воняет. Ну а Ваша дорожка сейчас наверх.

– Прощайте, – бросил Кочет, взбегая по ступеням.

– До свидания, – ответил Толик.

Выйдя на улицу, Родион Иванович вдохнул полной грудью и рассмеялся. Ему было легко на душе. Вернее, в том месте, где, как наивно полагают некоторые, у человека находится душа. Однако сам председатель в сказки не верил. Он опирался только на факты. А они, как говорится, вещь упрямая.

Завтра он сводит сына к врачу, обложит училку жалобами, и её уволят. Это факт. Система исправит досадное недоразумение. Лет через десять Сеня вырастет и пойдёт по стопам отца в начальники. Тоже факт. Ну и, наконец, самый главный факт: такие люди, как он, всегда будут в большой цене, потому что именно они являются цементирующей силой общества. Что же касается определённых сомнений, которые могут ещё возникать в человеке по поводу любви к ближнему и прочего в том же духе, так это всего лишь ничего не значащие фантомные боли.

Телефон Кочета задрожал. Пришло сообщение о зарплате. Премию ему выплатили в двойном размере.

Не мешайте кораблю плыть

Хорошо сплавляться по Томи летом на катамаране, особенно в верховьях. Река здесь чудесная: не очень быстрая, чистая и безопасная. Есть возможность полюбоваться невысокими горными хребтами, поросшими милыми сердцу пихтами, подышать вдоволь живительным, настоящим на запахе таежных трав воздухом, занять время ненавязчивой беседой с соседом «по палубе», словом, воплотить в жизнь известное древнее изречение: «Смертный, скользи по жизни, но не напирай на неё»*.

Вот мы и скользили с Саньчем второй день, полулёжа, каждый на своём баллоне, радуясь, когда небольшое облачко прикрывало наши тяжёлые похмельные головы от палящего солнца. На очередном плёсе, затянувшемся, как молчаливое безделье, я грубо нарушил сонную идиллию, попытавшись веслом направить плавсредство к центру видневшегося впереди переката. Саньч, увидев моё телодвижение, на правах капитана, а также старшего, постигшего мудрость, и вообще, почётного работника образования, заметил наставительно: «Главное – не мешать кораблю плыть!»

Он просто пошутил от нечего делать, но ведь иной раз одно выражение, одно слово может всколыхнуть человека и напомнить ему невесть что. Так и эта ленивая реплика вызвала в памяти давно забытую страничку из прошлого.

– Да уж, верно говоришь, главное – хотя бы не мешать. В подтверждение твоего выдающегося умозаключения могу, друг мой, поведать тебе историю.

И я вопросительно посмотрел на Саньча.

– Валяй, рассказывай, – зевнул он, в очередной раз намочив в воде кепку.

– Хотя... впрочем, ничего в ней особенного, да и рассказчик из меня не бог весть какой, – сразу подстраховался я. – Вот был у нас на факультете преподаватель философии, которого в конце концов выгнали, так тот, когда не болел после вчерашнего, мог молотить без умолку пять пар напропалую. И так брал нашу ватагу за живое, что мы слушали его затаив дыхание, с изумлением выходя из темноты в свет,

* Эпикур.

как те узники из пещеры Платона*. Даже забывали про хлеб наш насущный и пропадающие без дела в карманах талоны на питание. Но раз уж сами, батенька, дали мне добро, то извольте слушать.

Я тогда был ещё совсем молодой учитель и очень боялся завуча. В оправдание могу заметить, что и завуч у нас была не чета нынешним. Хищного прищура и тонких, плотно сжатых губ Регины Петровны опасался не я один. И собравшиеся закурить в туалете старшеклассники, и тем более несчастная, не сдавшая вовремя отчёт учительница, и даже трудовик, который что-то там смастерил на даче у директора, а потому держался независимее прочего педсостава, чувствовали себя под прицелом тёмных раскосых глаз, как на осмотре у стоматолога. Да что и говорить, «общаться по душам» она умела. Манера разговора Регины Петровны была сродни её почерку: начинала мелко, дробно, постепенно увеличивая нажим, который выливался в конце фразы в хлёсткую размашистую петлю.

Отлично помню, как «поднималась» моя самооценка на заре учительства, например, такими фразами: «Действительно, дети тебя слушают. Ты всё-таки молодой мужчина, что для школы редкость. Однако с методической точки зрения твой урок абсолютно безграмотен. К тому же при его анализе ты двух слов связать не можешь. А в чём причина? Да в том, что речь у тебя неразвита!» И я смиренно мотал на ус, потому как Регина Петровна в свои сорок семь считалась у нас если не корифеем педагогики, то, во всяком случае, человеком весьма и весьма в деле преподавания подкованным.

На урок с проверкой, а вернее, с методическим контролем, она всегда входила неожиданно, со звоном, как бы скрываясь за спинами вбегающих в класс учеников. Так что в первую минуту её можно было и не заметить. Потом садилась на заднюю парту и, наставив свои горячие очи на ещё не опомнившегося учителя, начинала сверлить его взглядом. Многие педагоги со стажем, не говоря уже о молодых, смущались, излишне рефлексировали, старались на ходу перестроить урок так, как им казалось должно понравиться Регине Петровне, и, в конце концов, комкали его, предельно ясно осознавая свою бездарность. Кое-как дотянув до звонка, проверяемые переживали десять минут позора во время эмоционального обсуждения, а вернее, отзыва контролёра об увиденном и (что ещё хуже!) об услышанном, затем по окончании методической помощи, наконец, выдохнув, спешили в следующий класс.

И, как я теперь понимаю, цели своей Регина Петровна достигала. В школе у нас был порядок. Субординация соблюдалась. Все бумажки

* Имеется в виду «Миф о пещере» Платона.

сдавались вовремя, в полном объёме. Проверки вышестоящими органами проходили на ура.

Порядок был даже в кабинете музыки, хотя, что греха таить, часто кабинет этот является головной болью школьного завхоза. В самом деле юное поколение подчас настолько рьяно постигает высший (по Аристотелю) вид искусства, так ревностно борется с бесом бескультурья, что по завершении учебного года помещение для занятий этим искусством смахивает на покинутый театр военных действий и его надо ставить на ремонт. И менять мебель в придачу.

Однако повторяюсь, у нас даже на этом фронте был полный порядок. Из тринадцатого кабинета доносились не вопли вперемешку с дружеским ржанием, а самая настоящая, в том числе классическая музыка, и порой весьма красивое пение. Но вот что казалось мне странным. Если у приоткрытых дверей других кабинетов Регина Петровна могла подолгу прислушиваться, хитро ухмыляясь, то мимо тринадцатого она проходила быстро, наклонив голову, и морщилась, как профессор консерватории, уколотый фальшивым звуком.

Впрочем, мне поначалу было совсем не до того, чтобы задумываться над своим наблюдением. Уже месяца через два после трудоустройства две с половиной ставки инженера человеческих душ вкупе с классным руководством сильно вгоняли меня в тоску. Помню, отработав на очередном школьном субботнике после восьми уроков подряд, я сидел за пустым столиком в столовой, ел чёрствый пончик с каплей сметаны и рассуждал о развилках на дороге судьбы, завидуя сокурснику, надевшему милицейскую форму.

– Здравствуйте! Не возражаете, если составлю вам компанию, – раздалось из-за спины.

Напротив меня появилась сивая стриженная под ёжик голова учителя музыки со сверкающей лукавой улыбкой и массивными линзами очков:

– Зря Вы вчерашнюю выпечку взяли.

– Сказали, что свежая.

– Не всему верьте, что говорят. Сегодня в меню замечательная порционная курочка с отварным картофелем. Также рекомендую салат из папоротника. Давно известно, что орляк токсины выводит, а уж токсинов-то в образовании хватает. Вообще, заходите ко мне как-нибудь после пяти перекинуться в шахматешки, я Вас ещё целебным алтайским чаем угощу.

И продолжил прямо, приступая к трапезе:

– Вот Вы, вижу, переживаете после очередного контроля, а дети, смею заметить, отзываются о Ваших уроках с интересом, к тому же величают Вас между собой по имени-отчеству. Я же, например, поначалу был для них лишь Баян Баяныч.

– Да, но Регина Петровна считает...

– Мой Вам дружеский совет, молодой человек, кто бы там что ни считал, идите своим путём, пробуйте, набивайте шишки, ищите и обращайтесь. В нашем ремесле без этого скучно.

– Получается и завуча не слушать!?

Мой собеседник переменился в лице и, обернувшись по сторонам, понизил голос, как заговорщик:

– Боже упаси! Как можно такое говорить? Вы же в системе, причём не просто в системе, а в образовании! Потому должны не просто слушать, но внимать и благоговеть!

Затем, откинувшись на спинку стула, опять расплылся в улыбке:

– И всё же никто не мешает Вам думать, а, подумав, делать так, как правильно на самом деле.

Саньч даже привстал со своей лежанки:

– Ишь, какой жук нашёлся! Такие умники плохо заканчивают.

Тем не менее, на момент вышеуказанного разговора у Анатолия Сергеевича всё шло хорошо. Как он потом признавался, уже в самый момент устройства в нашу школу ему повезло. Редкий директор, особенно директор-женщина, возьмёт человека со стороны, за которого не замолвит словечко кто-нибудь из ближнего круга. Но тогда, видимо, у администрации совсем горело: на носу аттестация школы, а учителя музыки нет. Вот и приняли чужого скрепя сердце, тем более что нужное образование и категория имелись.

Правда, в первую минуту его немного шокировало помещение для занятия высшим искусством. Но будучи педагогом старой закалки, то есть по совместительству и плотником, и штукатуром-маляром, Анатолий Сергеевич, засучив рукава, направился в школьные мастерские за инструментом, втайне надеясь на мужскую солидарность. Получив исчерпывающий ответ, пошёл к завхозихе, заранее приготовившись услышать повтор речевых оборотов трудовика. Однако та приняла его благодушно и посоветовала ближайший строительный магазин. В общем, через две недели кабинет музыки было не узнать. Белоснежный потолок, кремовые обои, чистые плафоны с новыми лампами, твёрдо стоящие на ногах шкафы и парты, оклеенные плёнкой под дерево, и, что больше всего обрадовало руководителя хозяйственной части, вместо неблагопристойной надписи на стене стенды с портретами выдающихся композиторов. Даже директор упомянула на административной планёрке: «А музыкант-то у нас вроде ничего». Наверное, тогда впервые и кольнуло в поджелудочной железе у Регины Петровны.

Сложнее Анатолию Сергеевичу было с инструментом музыкальным, который с аванса не купишь. Конечно, он принёс с собой старый, проверенный годами дружбы баян, но прекрасно понимал, что только

с ним рискует надолго застрять на уровне школьного гармониста. Тут опять же помогла заместитель директора по хозяйственной работе, которая после ремонта кабинета была столь благосклонна, что дала ему ключ от склада-хламятника.

И вот тринадцатый на время превратился в радиотехническую мастерскую, где после уроков ребята старших классов во главе с последователем Эвтерпы* что-то там паяли, наморщив лбы. Причём дело у них пошло, так как бывалый педагог, понимая серьёзность момента, привлёк давнего приятеля – мастера по ремонту музыкальной аппаратуры. В итоге заработали старый усилитель, музыкальный центр, зазвучал всеми забытый синтезатор и даже подал признаки жизни реанимированный микшерский пульт. А также исчез из лексикона детей Баян Баяныч. Но вся эта увлечённая возня вызвала и неожиданный побочный эффект. В кулуарных разговорах физичкой (кстати, большой любимицей Регины Петровны) была пущена волна: «Конечно, о какой успеваемости может идти речь, когда самые балбесы вместо того чтобы уроки делать, у Бороздина с паяльником сидят!» Однако не найдя особой поддержки, волна сотрясла воздух и успокоилась.

По-хорошему стоило бы успокоиться и самому Бороздину. Действительно, есть, где учить, чем учить, дети воспринимают хорошо, коллеги худо-бедно тоже... И то сказать, не велика птица – школьный учитель музыки. Так нет же, сознательно потеснил человека, причём не последнего человека в школе, да к тому же того, который отнёсся к нему благодушно. В оправдание Анатолия Сергеевича скажу, что на то имелись две причины, причём одна из них веская.

Все помнят, какие раньше были учительские зарплаты – смех сквозь слёзы, а для педагогов-мужчин просто слёзы. Вот Бороздин и пошёл к директору, замечу, не к Регине Петровне, а через голову, с предложением дать ему полставки кружковой работы. Взамен же он обещал научить детей играть на гитаре, а в перспективе создать школьный вокально-инструментальный ансамбль, что являлось его сокровенной мечтой и второй причиной вообще-то весьма резвого поступка. Ну а так как для успеха в данной работе требуются индивидуальные занятия, то вдобавок попросил отдать ему кабинет, давно превращённый завхозом в хлямятник, с обязательством сделать из него музыкальную студию.

Директор у нас была настоящий лев (конечно, во многом благодаря серьёзной поддержке сверху), причём лев умный. А потому она облагодетельствовала Бороздина вместо половины целой ставкой, видимо, рассудив, что с замотивированного человека можно и драть три шкуры. Тут же последовал приказ руководителю хозяйственной

* Эвтерпа – у древних греков муза лирической поэзии и музыки.

части освободить помещение. То есть формально стороны пришли к полному согласию, однако намерения их не совпадали.

Бороздин понял это уже на следующий день, когда в его творческое пространство твёрдым напористым шагом вошла школьная муза – заместитель директора по воспитательной работе. В руках она держала источник вдохновения – длинный, как простынь, план школьных мероприятий. Муза пояснила голосом, не терпящим возражений, что главное её требование к музыкальным номерам – массовость. Причём Ираида Павловна, сильнейший педагог и опытный директор, с ней согласна. А выпестыванием отдельных талантов пусть школы при консерваториях занимаются.

Таким образом, жизнь Бороздина превратилась в сплошной праздник. Не проходило и дня без репетиций. Классные руководители, быстро смикитив что к чему, стали гонять к нему своих подопечных строем, убеждённо повторяя в своей среде неоспоримый тезис: «На всё есть свои специалисты». И порой до самого вечера из тринадцатого кабинета доносилось что-нибудь вроде:

*Мы весёлые ребята-бята-бята-бята-бята,
Очень весело живём-вём-вём!*

Вдоволь навеселившись, в опустевшей школе специалист принимался за изготовление фонограмм (так называемых минусовок*). Занятие в принципе стоящее, только если делать их на продажу, а не в рамках очередного КТД*.

Словом, по причинам вполне прозаичным создание школьного ансамбля буксовало.

Однако Анатолий Сергеевич был человек упёртый, потому не прошло и полгода, как на стенах бывшего склада появилась зелёная драпировка для улучшения акустики и те ребята, которые поверили учителю с самого начала, уже осваивали на гитаре первые аккорды. Как раз к этому времени относится наш разговор в столовой, и тогда, глядя на дышащую оптимизмом фигуру Бороздина в неизменно элегантном костюме, я тоже верил в его правоту.

Может возникнуть вопрос: позвольте, а что же первый зам, как называли с подачи директора Регину Петровну, неужели она не подмяла какого-то там мужичка в пиджачке? А надо сказать, что некоторые соратники ждали показательной экзекуции, хотя бы из чисто спортивного интереса, свойственного отдельным «интеллигентным» людям. Щурясь,

* Минусовка – запись музыкального произведения, в котором отсутствует вокал или солирующий инструмент. Чаще всего это просто готовый аккомпанемент для солиста.

* КТД – коллективное творческое дело.

глядели они в спину Бороздину: «Ничего, – мол, – и тебя высекут, и ты будешь бегать как ошпаренный от одного взгляда завуча».

Но дни шли за днями, а Бороздин всё так же прямо с лёгкой улыбкой ходил по коридорам, и скорость его движения ничуть не зависела от цвета одежды Регины Петровны. Хотя даже мне через месяц работы было ведомо: если первый зам в зелёном платье – всё, как обычно, если в бордовом – жаждет контроля, если в чёрном – вышла на тропу войны.

Конечно, уроки Анатолия Сергеевича вызывали уважение. Я, признаюсь, посетив один из них, не заметил, как просидел целый час с открытым ртом и впервые в жизни подумал с сожалением: «Почему же я в музыке такой профан?» Бросилась мне в глаза и некомпетентность моя в методике преподавания. Но, странное дело, если разборы моих потугов Региной Петровной вызывали только уныние, то увидев работу Бороздина, захотелось учиться.

Впрочем, давно известно, что добросовестное исполнение трудовых обязанностей ещё не повод ходить прямо. Иной проверяющий задаст такие вопросы, от которых впадёшь в замешательство, замычишь, начнёшь пожимать плечами, и услышишь на это: «Что ты тут цыганочку танцуешь? Работать надо, как полагается!» Бороздин же плечами не дёргал, наоборот, обнаруживал полную готовность к конструктивному взаимодействию с первым замом, причём сам не стеснялся задавать вопросы, советовался, как применить то или иное положение методики в данной конкретной ситуации. И контроль учителя музыки с целью методической помощи стал эпизодическим, а потом вовсе прекратился.

Таким образом, скажу ещё раз, что у Анатолия Сергеевича всё шло хорошо. Уже и первые питомцы его из кружка гитары выступили на празднике. Правда, играли слабо, пели неважно, вызвав весьма вялые аплодисменты. Я даже высказал тогда Бороздину, чувствуя обиду за любимого исполнителя:

– Слушайте, может, не стоило брать такую песню. Нельзя тянуть дрожащим голосом: «Перемен требуют наши сердца»*. Здесь нужен сокрушительный протест, чтобы у людей появилась вера, что можно прорвать плотину и всё изменить.

– Согласен, преждевременно взяли, но ребята сами решили попробовать, не хотелось губить инициативу. Зато теперь будут пахать вдвойне. А перемены, поверь мне, будут.

И они действительно наступили в жизни учителя музыки. Всё началось с того, что семикласснику Щеголенкову он поставил тройку. Причём как-то так получилось, что никто её не ожидал. Потому

* В.Цой «Хочу перемен».

тройка по музыке оказалась единственной среди четвертных оценок. В общем, все проворонили ситуацию, даже Гололобова – классный руководитель «несчастливого» ученика. О Гололобовой стоит сказать пару слов. Эта дама, ни молодая ни старая, ни глупая ни сильно умная, принадлежала к числу тех людей, которые идут в гору, благодаря умению вовремя смеяться. Случалось, вызовет меня на перемене Регина Петровна, задаст неожиданный вопрос, сразу и не сообразишь, как ответить, брякнешь какую-нибудь несуразность под снисходительную улыбку завуча, не успеешь ещё поправиться, а Гололобова и другие прихехеши уже хохочут, заливаются... Если же руководителю необходимо устроить подчинённому разнос, такие персонажи вообще незаменимы. Входя в кабинет, ещё не поняв, в чём дело, вызванный на ковёр уже чувствует на себе их осуждающие взгляды. Говорит обычно только начальник, но с каким же рвением они резонируют! По школе ходили настойчивые слухи, что у Гололобовой не за горами административная должность, хотя я в ней никаких талантов, кроме вышеуказанного, до поры до времени не замечал.

Тем не менее, успеваемость в её классе всегда была на высоте. Потому как в конце каждой четверти Гололобова отпраивалась по учителям договариваться. При этом, изображая само добродушие, не забывала напомнить им елейным голосом, как много значат для школы хорошие учебные показатели. Вот и на сей раз она договорилась за Щеголенкова по нескольким предметам. Конечно, «всё осознавший» ученик ходил пересдавать с притворно-виноватой улыбкой, делал вид, будто что-то там решает, вообще видимость приличия соблюдалась, но в итоге твёрдый троечник в конце четверти вышел чуть ли не отличником. А тут прозевала!

Дело осложнилось тем, что прибежала мамаша Щеголенкова – женщина непростая, со связями. Видимо, не считая нужным заходить в тринадцатый кабинет, направилась прямо к директору. Как рассказывала секретарь, всё началось с рычания, а закончилось взаимными поглаживаниями. Мадам Щеголенкова уходила от матёрого руководителя с улыбкой и обещала даже посодействовать с ремонтом школьного туалета.

Потом Ираида Павловна коротко пообещалась с Бороздиным. Подчеркнув, что имеет дело с сильным, опытным и даже талантливым педагогом, спросила:

– Почему же у такого педагога ребёнок получает тройку, когда по остальным предметам у него четыре или пять?

– Не знает он учебного материала. Потому как не хочет учиться, или не способен, – невозмутимо ответил учитель. – «Болеро» Равеля от Мусоргского отличить не может.

Ираида Павловна на мгновение задумалась, затем в голосе её зазвучали стальные нотки:

– Я Вам так скажу, Анатолий Сергеевич, умного и дурак научит, а вот, между нами говоря, научить дурака – тут-то как раз и нужно проявить педагогическое мастерство.

И добавила веско:

– Очень надеюсь, что в следующей четверти у Щеголенкова всё будет как минимум хорошо.

В данном случае Бороздин как раз пожал плечами:

– Если будет учиться, всё и будет хорошо.

Директор ещё раз внимательно на него взглянула:

– Ну и славно! Я полагаю, мы друг друга поняли.

Следом Ираида Павловна вызывала первого зама. Содержание их разговора осталось тайной. Известно только, что лицо и шея Регины Петровны, когда она вылетела из приёмной, горели красными пятнами – признак самый скверный для подчинённых.

Конечно, учитель музыки поставил Щеголенкову злополучную тройку не по причине незнания «Болеро». Разумеется, он мог бы сказать директору, что подросток этот отъявленный лодырь, что его любимое занятие – качать права, что вины своей он никогда ни в чём не признаёт, а жаловаться обожает, потому дети его недолюбливают и даже побаиваются. Мог бы также описать в красках, как воспитанник Гололобовой прощупывал возможности устроить на его уроках балаган, подбивая к тому одноклассников, но не найдя поддержки и почувствовав силу учителя, решил на музыке просто отдохнуть, то есть бездельничать. При этом высказывал сверстникам такое мнение: «Четвёрку-то всё равно поставит, а большего мне и не надо!» Однако Бороздин не зря полжизни проработал в образовании и прекрасно понимал, что администрации школы до всей этой мелодрамы нет абсолютно никакого дела.

«Да чёрт с ним, со Щеголенковым, – думал учитель музыки, выходя от директора. – Сидит себе не мешает и пусть сидит. Поспрашиваю в следующей четверти, что-нибудь проямлит, четвёрку и натяну».

Собственно так бы и вышло, не возьми подростка под своё крыло Регина Петровна. Действительно, он стал часто появляться у первого зама, подолгу разговаривал с ней, поливал ей цветы, разносил по учителям записочки с требованием срочно явиться в кабинет завуча, выполнял другие незатейливые поручения. Следствием таких тёплых отношений стало заявление подростка Бороздину на одном из уроков: «Если Вы, Анатолий Сергеевич, мне тройку поставите, это Вы её не мне, а себе поставите. И вообще, какие могут быть тройки на музыке, музыка – не математика».

Анатолий Сергеевич попытался обратиться к классному руководителю подростка, но диалог не состоялся. «Не знаю, не знаю, что у Вас теперь получится, – замахала руками Гололобова, – сами затеяли конфликт с ребёнком, не обратились ко мне вовремя, не поинтересовались индивидуальными особенностями ученика, вот сами теперь и улаживайте отношения».

Не успел Бороздин обдумать дальнейшие действия, как Регина Петровна надела бордовое платье и он попал под плотный контроль. Причём вопросы по окончании урока теперь ставились иные: Почему пыль на полках шкафов? Почему цветы на подоконниках, есть ли среди них ядовитые? Писали ли заявку электрику, что лампы в кабинете разного цвета? Ну и тому подобное. И наконец: когда у вас всё-таки начнёт работать на уроке Щеголенков? Тем не менее, Бороздин всё также ходил прямо, хотя улыбка уже сошла с его лица.

Удар, действительно потрясший его, пришёл с неожиданной стороны. В один прекрасный день, открыв дверь в музыкальную студию, Анатолий Сергеевич обнаружил, что его встречают грязные обшарпанные стены, а содранная драпировка валяется на полу возле входа. Метнувшись к завхозу, он наткнулся на кривую ухмылку и, не успев даже рта раскрыть, услышал: «Горючая отделка в помещениях школ не допускается. Хорошо, пожарный инспектор предупредил по доброте душевной. Кстати, подпишите-ка у себя под розетками двести двадцать вольт».

С того дня линзы учителя музыки стали поблескивать особым огнём, таким, какой появлялся у него в глазах в момент просчитывания шахматной комбинации. Видимо, не сомневаясь, что его со всех сторон обкладывают, Бороздин уже готовил свой решающий ход.

А мне особо рассуждать на тему его отношений с администрацией тогда было некогда. Более того, на какое-то время я даже совершенно забыл про тринадцатый кабинет и его хозяина, потому что получил, несмотря на недоразвитость речи, задание подготовить небольшой докладик на ближайшем педсовете. Замечу, что в первый год работы само словосочетание «педагогический совет» вызывало у меня действительно благоговейный трепет. Конечно, я не воспринимал его как военный совет в Филях, где в столкновении мнений принималось судьбоносное для Отечества решение, но всё-таки считал, что стратегические направления жизни школы выковываются именно здесь. Потому готовился на совесть.

И вот настал момент, когда я сидел в гудящем, как улей, переполненном зале, с волнением погружившись в замусоленный исчерканный доклад. Только слышал, как справа биологичка громко рассказывала коллегам свой фирменный рецепт приготовления фаршированной рыбы, да слева до меня доносились обрывки анекдотов

трудолика под дружный хохот собравшихся рядом мужчин. Президиум еще пустовал, и основная интрига для собравшегося педколлектива – в каком цвете выйдет Регина Петровна, оставалась неразрешённой. Вдруг гул резко пошел на убыль. На сцену поднялись директор, первый зам в идеально сидящем антрацитовом костюме и другие члены администрации.

Первой выступала естественно женщина в чёрном. Я, признаюсь, поначалу её совсем не слушал, повторяя свой материал, и лишь когда голос первого зама почти перешел в крик, обратил внимание на слова:

– О каком эстетическом воспитании наших учеников может идти речь, – неслось со сцены, – когда в кабинете музыки грязь. Понятно, что музыку дети воспринимают на слух, но ведь не с закрытыми же глазами! К тому же свет в тринадцатом кабинете вреден для зрения, а учителю, получающему надбавку за заведование кабинетом, до такого вопиющего факта и дела нет. Как нет дела и до того, что на подоконнике у него в непосредственной доступности для детей ядовитая бегония. Может, Анатолий Сергеевич и думает, что всё сказанное – мелочи, но на самом деле нельзя считать мелочью жизнь и здоровье детей! И, наконец, все мы знаем, какое громадное значение сегодня на разных уровнях придается патриотическому воспитанию молодого поколения. Многие учителя, не хватаящие звёзд с неба, кропотливо работают в данном направлении: привлекают в учебный процесс краеведческий материал, делают акцент на выдающихся достижениях отечественных ученых и деятелей культуры. Но что же мы видим у Анатолия Сергеевича Бороздина? Некий Морис Равель! Как будто и нет русской музыки, на которой в первую очередь должны воспитываться патриотические чувства подрастающего человека. Словно и не существовало на свете Глинки, Чайковского, Рахманинова, Мусоргского!

– Позвольте внести ясность, – зазвенел вдруг в зале необычайно зычный голос, и все увидели Бороздина, быстро подходящего к сцене с небольшим кассетным магнитофоном. Воспользовавшись всеобщим замешательством, он также громко продолжил:

– Действительно, Регина Петровна, когда Вы были у меня на уроке, я забыл стереть надпись: «Морис Равель «Болеро»». Но на доске-то висел портрет Мусоргского, и слушали Вы вот это произведение. Неужели не помните?!

И Бороздин включил «Богатырские ворота».

Когда величественная торжественная музыка, в основе которой так остро чувствуются народные мотивы, начала набирать обороты, Бороздин остановил пленку и констатировал с улыбкой:

– Так что, коллеги, не верьте Регине Петровне, существовал на свете Мусоргский!

По бледному лицу первого зама в антрацитовом костюме поползли красные разводы, и, похоже, дар речи на время её покинул. Ираида Павловна тоже молчала, сообразив, что грубо оборвать в эту секунду Бороздина – значит оставить вопрос открытым, сильно повредив авторитету завуча.

И тут, пока народ ещё безмолвствовал, встала с места Гололобова.

– Анатолий Сергеевич, – развела она в удивлении руками, – зачем Вы нам здесь голову морочите? Включаете «Болеро» Равеля, а говорите, что звучит Мусоргский? Что за странные шуточки?

Теперь уже сам учитель музыки не нашёл слов, чтобы ответить, да и не успел бы, потому что подскочила физичка, и проговорила ледяным тоном, глядя на него с неподдельной ненавистью:

– Я считаю, коллега... хотя мне претит называть Вас своим коллегой, так вот я считаю, что Вы сейчас ведёте себя низко, и в первую очередь низко как мужчина. Я бы на Вашем месте извинилась перед Региной Петровной за столь беспардонную выходку. Но где уж Вам! Вы скорее упрётесь и будете продолжать выдавать «Болеро» за Мусоргского, чем признаете свою неправоту.

По залу стал подниматься гул, который перекрыл горячий вибрирующий голос учителя музыки:

– Уважаемые педагоги, вопрос принципиальный, достойный педсовета! Кто может сказать, что сейчас он слушал Мусоргского?

В помещении стало совершенно тихо.

Я впоследствии часто думал, почему никто не пришёл в ту минуту к нему на помощь. Конечно, были у нас в школе и весьма достойные люди, сочувствовавшие Бороздину. Но в том-то и дело, что вопрос был поставлен чересчур принципиально. А у всех семья, дети, планы, долги... Я и сам тогда, конечно, промолчал. Да и разве мог я что-нибудь сказать ещё в ту пору. А теперь в подобной ситуации... уже не скажу.

В общем, с каждой секундой затянувшейся паузы шансы Бороздина стремительно таяли. Наконец трудовик, вечно красное лицо которого стало совсем кирпичным, рявкнул:

– Хорош Ваньку валять со своим Мусоргским-шмусоргским. Какое мне дело до балерона Равеля, когда через час машина с пилотатериалом придёт!

В первых, ближних к администрации рядах, раздался хохот, который стал быстро распространяться по залу. И конечно, больше всех надрывалась от смеха Гололобова.

Неестественно вытянувшись, учитель музыки с удивлением вглядывался в лица людей, и вдруг сзади на него обрушился жёсткий, как железный кулак, голос директора.

– Бороздин, Вы из-за своей мелкой амбиции мешаете сейчас работе всего педагогического коллектива. Мы уже поняли, что Вы не наш человек! Покиньте помещение!

Анатолий Сергеевич вышел. Но вышел он как всегда прямо, и, когда проходил рядом со мной, мне даже показалась, что некое подобие улыбки скользнуло по его лицу. А через две недели приняли новую, ничем не выделяющуюся учительницу музыки, и тринадцатый кабинет снова стал головной болью нашей завхозихи.

Окончив свой рассказ, я замолчал, удивляясь вдруг охватившему меня волнению. Взор мой невольно залюбовался красивой, убегаящей в таёжную даль рекой. Почему-то, как в юности, защемило сердце. Саныч тоже долго смотрел на водную гладь впереди. Я уже и не надеялся на ответ старшего товарища, когда услышал:

– Вечно ты откопаешь что-нибудь этакое. Нет бы порадовать друга на отдыхе позитивом. Ведь есть же хорошее в том же образовании. А от твоей истории только голова больше заболела...

Дальше разговаривать не хотелось, и наш корабль уже в полном безмолвии несло по течению.

Содержание

МЯЧ	4
Фантом.....	26
Не мешайте кораблю плыть.....	58

Литературно-художественное издание

Олег САФОНОВ

Фантом

Рассказы

Составление, вёрстка, корректура, ответственный за выпуск –
Калашников Н.Н.

На первой странице обложки – рисунок из интернета.

Так на чём мы с Вами остановились, господин председатель?
Кстати, как Вас называть, господин или всё-таки товарищ?

В горле у Кочета пересохло.

– Э-э-э-э, – протянул он осипшим голосом, – да ведь собственно... это не имеет значения.

– То есть как это? Очень даже имеет. Все наши беды как раз от того, что мы не называем вещи своими именами. Надо чётко определиться: господин Вы для тех, кем управляете, или всё-таки товарищ. Если господин, то по какому праву властвуете?

– Но ведь я не властвую, я только для детей стараюсь...

– Оставьте, уважаемый. И Вы туда же. Послушать, так у нас каждый чиновник, начиная с самого мелкого, да что там чиновник, каждый активист только и делает, что о детях заботится. Лишь среди учителей одни злодеи собрались. Впрочем, всё это старо как мир. Сами же помните: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры... Змии, порождения ехиднины!»

Олег САФОНОВ. Фантом

Издательство «Ник без Compani»